

В. П. Желиховская

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БЛАВАТСКАЯ

Биографический очерк

I

Написать биографию хорошо известного человека, имея под рукой многочисленные, богатые материалы — чего, кажется, легче?.. Начать с известной формулы: такой-то родился тогда-то и там-то, от таких-то родителей, поступив в таком-то году туда-то, а в другом совершив то-то, — да так и развернуть скрижали жизни, до известной точки: "мир праху твоему!.." Это действительно самая удобная форма для посвящения публики в деятельность и перипетии карьеры какого-нибудь героя бранного, политического или административного поля действий, жизнь которого требует лишь объективного анализа; но задача эта много усложняется, если деятельность данного лица богата проявлениями духовными, в сравнении с которыми внешние стороны жизни представляют лишь мало значения. Если же главный интерес данной личности заключается в многосторонности её натуры, в сложной загадочности её проявлений, действий и фактов не легко объяснимых, задача становится так серьезна и трудна, что пред ней поневоле в нерешимости остановится каждый добросовестный человек, как бы ему ни была близка и хорошо знакома описываемая личность. Скажу более: чем ближе она ему, тем труднее ему выполнить эту сложную задачу так, чтоб она удовлетворила всем требованиям неподкупной и непредубеждённой справедливости.

Думаю, что, во избежание нареканий в этих обеих враждебных друг другу и правде отличительных чертах многих жизнеописаний, всего лучше и целесообразнее руководствоваться постороннею оценкой, более чем единичным собственным мнением и, кроме того, как можно больше давать возможности лицу описываемому говорить самому за себя, пользуясь его сочинениями, рукописями и письмами. "Древо познается по плодам его..." Чувства и помышления человека — плоды его духа; как действия — плоды его воли! Чем менее между ними противоречий, тем цельнее и сильнее натура его; но, к несчастью несостоятельного человечества, такие *цельные* характеры — величайшая, почти небывалая редкость... Почти всегда дух бодр — да плоть немощна! Эти-то свойства человеческой слабости, которых не чужды и величайшие люди, и объясняют противоречивые мнения разных лиц об одном и том же человеке. Дело потомства и времени разобрать, кто прав, вернее выяснить истинные заслуги и свойства выдающихся личностей, потому что они, как и выдающиеся черты в пейзаже, издали лучше видны.

Мало женщин умели внушать столь противоположно сильные чувства, столь взаимно враждебные о себе мнения, как Елена Петровна Блаватская,

основательница Теософического Общества, ныне охватившего всю Индию, всю Северную Америку и почти все государства Западной Европы. Она оставила по смерти своей множество преданных, ослепленных до абсурда друзей, едва ли не вернее сказать "боготворителей", и множество ярых врагов, готовых забыть не только справедливость, но всякую логику. Без сомнения, женщина, способная без всяких других вспомогательных средств, кроме своих знаний, ума и энергии породить в наш безверный, практический век такое могущественное антиматериалистическое движение, должна быть замечательною женщиной и, в качестве таковой, сама по себе вызывать сильные чувства; но справедливость требует сказать, что чувства эти возбуждала не столько она сама, как проповедуемое ею учение. Мало последователей его сумело оценить чистоту и высоту древней, как мир, философии, которою она руководствовалась, не впадая в крайность, не превознося учителя превыше учения; ещё меньше противников его, которые сумели бы воздержаться от излишеств личной злобы против проповедницы учения, равно ненавистного атеистам, материалистам, ханжам, спиритам и иезуитам... Из этого перечня видно, какие массы последователей различных убеждений, поклонников нигилизма, мамоны и сенсационных загробных проявлений, возводимых медиумами во что-то священное, должна была раздражить деятельная пропаганда теософистов. Само собою разумеется, что Елена Петровна Блаватская, как их лидер, да к тому же чужой человек, представительница нации не особенно симпатичной как на западе Европы, так и на крайнем Востоке, в других странах света, где преимущественно привилось её учение, должна была служить козлом отпущения по преимуществу... Она им и служила при жизни и служит по смерти, несмотря на горячие протесты друзей и последователей, которые часто лишь разжигают своим *излишним* пылом и ненависть, и недоверие, и иронию, вместо того, чтоб их успокоить. Как верно заметил один из лучших, но не увлекающихся её ценителей, доктор Гартман: "Никогда Н.Р.В.* не требовала обоготворения; всегда отрекалась от чудотворства, но множество её последователей считали долгом осаждать её поклонением фетишей, распространять о ней самые нелепые слухи, которые, оказываясь ложью, только вредили Обществу. Я терпеливым наблюдением убедился, что Н.Р.В. гораздо сильнее вредили друзья её, нежели враги... Эти чересчур восторженные друзья первые от неё отвращались, как только молва осмеивала их собственные выдумки, и весьма часто обращались в злейших врагов её..."

Показание вполне справедливое, не раз засвидетельствованное самой Е.П. Блаватской,** так много натерпевшейся от "беспричинных", как ей казалось, измен, что последние годы её жизни были поневоле омрачены недоверием именно к тем, которые, казалось, ей выказывали самую горячую преданность.

* Близкие Е.П. Блаватской иначе не называли её, лично и печатно, как произносятся первые буквы её имени: "Эч-Пи-Би" (Н.Р.В.) вместо Helena Petrovna Blavatsky, в Англии, Индии и Америке, даже в литературе, заменило её полное имя.

** Например, в её последней (при жизни напечатанной) в "Люсифере" статье под заглавием "My books" (Мои книги). Май. Стр. 243.

Мне кажется, что наиболее справедливости может оказать ей человек, хорошо ее знающий, не исключительно как проповедницу "Всемирного Братства Теософов",

но просто как женщину, со всеми её дурными и хорошими сторонами; человек, не враждебный её учению, но и не увлекающийся им до забвения идеалов и величайших истин христианства, в свете которого потонули все самые высокие и нравственные учения древности; человек, хотя горячо её любивший, но не склонный, в силу личных чувств, преувеличивать её достоинства и заслуги... Или же, наоборот: совершенно к ней равнодушный, но не способный умалять её действительные заслуги и качества в силу предубеждения. Искренно желаю, чтоб она нашла такого биографа!.. Но пока постараюсь в качестве первого, то есть человека горячо любившего её (в силу родства, а не её учения), рассказать беспристрастно о её деятельности всё, что сама знаю. Я не без намерения говорю о "деятельности", а не о *жизни*. Ведь только ею одной — *деятельностью* последних пятнадцати-шестнадцати лет своей жизни она приобрела право на внимание... Какое кому дело до частной жизни её в те годы, когда она была незаметной единицей в миллионах ей подобных и ничто еще не возвещало в ней будущую знаменитость?.. Жизнь Е.П. Блаватской, принадлежащая истории, истинная жизнь, для которой, как оказывается, была она рождена и предназначена судьбой, странно сказать, началась в ту пору, когда обыкновенно все женские жизненные драмы и романы уже кончаются: в сорок лет.

Я не хочу этим сказать, что в молодых её годах не было ничего достойного описания, — напротив. Вся её жизнь была бурным потоком, преисполненным всевозможными перипетиями; но в сорок лет именно произошел тот *необычайный перелом*, то неожиданное, полное, изумительное перерождение её существа, её способностей, стремлений, чувств и понимания, которое поглотило своею ненормальностью, своею *чуждостью*, можно сказать, всю разнообразную мелочь и бестолочь прежней бурной, но обыденной ЖИЗНИ.

Рассказ о юности и молодых годах её потребовал бы томов. Я не имею ни возможности, ни охоты, ни даже права вторгаться в ту эпоху её жизни, которая не имеет *прямого отношения* к фактам, прославившим её имя. Я в общих чертах опишу их только ради цельности её облика, насколько необходимо это для рельефа её личности.

II

31 июля 1831 года, в городе Екатеринославе, у капитана конной артиллерии, Петра Алексеевича Ган, и семнадцатилетней жены его Елены Андреевны, урожденной Фадеевой, родилась старшая дочь. Родилось это первое дитя у матери — почти ребенка, в отсутствие её мужа, ушедшего в поход через несколько месяцев после свадьбы; она приютилась в доме родителей, где и прожила, пока длилась Польская кампания.

Девочка была названа в честь матери и бабушки, Елены Павловны Фадеевой, семейным именем Елены, хотя последняя и протестовала против передачи своего имени внучке, ссылаясь на предыдущие примеры и собственную постоянную болезненность, она уверяла, что счастья семье это имя не принесет...

Отец вернулся благополучно, и началась нелегкая для молодой женщины, оторванной от всего родного, походная жизнь из местечка в местечко, по южной Руси, вслед за батареей. Единственным развлечением Елены Андреевны были её сочинения,* единственным утешением и радостью — подраставшие дети, на которых устремлялись все надежды её и заботы. "Лоло", как старшая и как одаренная сызмала незаурядными свойствами, ее заботила больше всех. Девочка подрастала и развивалась быстро, часто поражая своих близких не только шалостями, но оригинальными выходками, несвойственными другим детям, и речами до того прямодушными, что не было возможности унять её красноречивой откровенности. Кроме того, она была страшная фантазерка и подвержена припадкам почти сомнамбулизма: она часто вставала и ходила во сне и, не просыпаясь, с широко открытыми глазам, произносила целые речи, рассказывала сказки и пела песни... Бывали с ней в детстве и молодости и такие случаи, которые *теперь* все объяснили бы ясновидением; но в те бесхитростные времена они относились к сильному развитию воображения и проходили незамеченные.

* Она писала под когда-то хорошо знакомым в России псевдонимом *Зинаиды Р—вой*. Романами и повестями её зачитывались русские люди сороковых годов. Её называл Белинский, посвятивший ей несколько страниц, "Русскою Жорж Занд", а когда она так преждевременно скончалась, он посвятил ей надгробное слово: "Мир праху твоему, необыкновенная женщина, — жертва богатых даров своей возвышенной натуры! Мир праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силой собственных ощущений!.. Благодарим тебя за краткую жизнь твою, не даром и не втуне цвела она пышным, благоуханным цветом глубоких чувств и высоких мыслей. В этом цвете твоя душа, и не будет ей смерти! И будет жива она для всякого, кто захочет насладиться её ароматом." (Соч. Белинского, 7-я ч., стр. 198–194).

Ей всего было одиннадцать лет, когда умерла мать её, и родные её взяли к себе на воспитание всех троих детей Е.А. Ган.

В доме Фадеевых они нашли горячую любовь и все заботы, которые возможно было приложить к образованию осиротевших детей. Уже не говоря о влиянии такой высокообразованной женщины, какою была сама Елена Павловна,* и той развитой умственно среды, в которую она попала, — маленькой Елене даны были и гувернантки, и учителя, и все средства к образованию. Она легко усваивала всё, языки и музыка давались ей особенно легко, но тем не менее учителя и воспитатели приходили в отчаяние от невозможности с ней справиться; она училась только тогда и тому, когда и чему сама хотела, и положительно сдержать её живости, своеволия и самых неожиданных выходок, часто смущавших своею резкостью своих и чужих — было невозможно! Беда была тому, кого она не взлюбляла!.. Злобы никогда не бывало в её шалостях: она была так добра и так смела, что готова была всё отдать неимущему, всё сделать для друга и на всё решиться в защиту обиженного. Она никогда не помнила зла и обид; но по легкомыслию, по врожденной насмешливости и страсти дурачить несимпатичных ей людей, Елена часто творила беды, зло озадачивала многих и ставила родных своих в весьма неловкое положение.**

* Бабушка Е.П. Фадеева, рожденная княжна Долгорукая, была известна многим ученым

(начиная с Гумбольдта, с которым была в переписке) своими глубокими знаниями по разным отраслям наук, в особенности в ботанике, зоологии, археологии и нумизматике. Она собрала много интересных коллекций, древностей и монет, а в особенности флоры приволжской и кавказской. Превосходно рисуя цветы, она составила несколько томов рисунков, которые могли бы служить к подробнейшему изучению ботаники и к украшению любой академии.

****** В другом очерке, рукопись которого хранится в Адьяре, Желиховская подробнее говорит об этом периоде и характере Блаватской:

"От раннего детства Елена была необыкновенным ребёнком, обращавшим всеобщее внимание остротой ума, непокорного никаким условиям заурядных требований дисциплины, образования и даже самых элементарных воспитательных начал. У неё всё было своеобразно, смело и порой даже оригинально — речи, поступки, заключения всегда поражали неожиданностью, совсем особой, неведомо откуда бравшейся странностью и решительностью. Она составляла отчаяние гувернанток и учителей, хотя была способна и любознательна, но не терпя никаких стеснений, с величайшим трудом покорялась распределению занятий, приготовлению задаваемых уроков и самых законных требований своих воспитателей. Вследствие этого с юности она никогда ничему не желала учиться систематически, не получала никаких основательных серьёзных знаний; да у неё и ни к чему, кроме музыки и языков, не было никаких выдающихся способностей. Но филологические способности были замечены с детства. Кроме родного своего языка она училась французскому, немецкому и английскому. Как только начались ранние странствия, она с удивительной лёгкостью усваивала не только языки тех стран, где приходилось ей жить, но даже и наречия, жаргоны и оттенки произношения. Кроме своей вольной смелости, живости, остроумия и полнейшего своеобразия характера и воображения чрезвычайно развитого и фантастически направленного, сестра имела в детстве особенность: у неё бывали припадки сомнамбулизма, в которых она не только громко говорила, пела во сне с широко открытыми глазами, но даже отвечала на вопросы. Большею частью ей снились сны и мерещились вещи совсем неподходящие. Её характер вообще более подходил бы умному, живому и решительному мальчику; все шалости были — страсть к сильным ощущениям, путешествиям, никогда не покидавшая энергия, сила воли и полная независимость поступков делали характер гораздо более похожим на мужчину, нежели на женщину. Она никогда не признавала авторитетов, всегда шла, сама себе самостоятельно прокладывая пути, презирая законы света и условности, стеснительные для свободы. Препятствий она никогда признавать не желала, и хотя по сердцу была сама доброта и всегда с готовностью рада была всем своим поделиться и отнять у себя необходимое, чтобы помочь другому, но в случаях противоречия способна была натворить много бед, ломая и без разбора, устраняя на своём пути, лишь бы добиться своей цели и достигнуть желаемого. Благоразумие и сдержанность не были её добродетелями; она не умела желать и действовать хладнокровно, расчётов и выжиданий никогда не терпела, и горячо стремилась к своим задачам, которые в данную минуту представлялись ей верхом благополучия и крайней необходимостью. Готова была ради их кривить душой и бессознательно уподобляться своим недругам, последователям аксиомы «цель оправдывает средства», однако же на продолжительное притворство её не хватало. С самых юных лет Елены стало очевидно, что жизнь её будет из числа незаурядных, но никому и на ум не могло прийти ничего подобного, что вывело в её последующей жизни не только с большой пыльной дороги на единый путь, но и в конце этого пути резко выделило её одну из числа немногих женщин, избирающих самостоятельные дороги, на совершенно новой, небывалой и для другой немыслимой арене." — *Прим. ред. сайта "Теософия в России".*

Особых талантов, кроме музыкального, в ней не замечалось. Она была очень способна, но мало пользовалась своими способностями; очень остроумна, но желания развить свой ум знаниями, особых предпочтений в предметах учения — никогда не бывало! При желании и способности заниматься усидчиво и внимательно, она бы могла смолоду себя образовать гораздо положительнее и разностороннее; на то были средства, но решительно не было никакого желания.

Она хватала там и сям что попало из знаний весьма поверхностных и никогда, до зрелых лет, не выказывала ни самоналейшей склонности к наукам.

В семнацать лет она совершенно неожиданно объявила родителям, что выходит замуж.

Семья Фадеевых тогда жила в Тифлисе неразлучно с семьей своей второй дочери m-me Витте и с сиротами старшей, m-me Ган.* То было лучшее время Кавказа, куда, как известно, собирался под знамена войны цвет русской молодежи. Елена была блестящая хорошенькая девушка. Фадеевы жили гостеприимно, широко открытым домом, где бывало всё, что было лучшего в крае. Она, несомненно, могла бы сделать партию гораздо виднее, если бы не хотела выйти замуж по любви (на которую, по-видимому, не была способна, в ранней молодости ежедневно меняя свои фантазии и вкусы); но предпочла всем неказистого, слегка даже тривиального старого чиновника, бывшего тогда вице-губернатором в Эривани.

* Отец наш командовал батареей, и мы его в детстве почти не знали, так как родители матери с нами не хотели разлучаться.

Это замужество всех удивило, а близких ей даже огорчило, тем более, что из обращения Елены Петровны с её женихом было видно, что ни привязанности, ни уважения к нему, ни даже жалости в ней нет...

Так оно и было: ей нужна была лишь "свобода", надо было вырваться из родного дома, найти самостоятельность. Со свойственной ей откровенностью она даже не затруднялась говорить своим близким, выразившим удивление по поводу такого выбора, что *другого* ей было бы жалко, а *этого* она жалеть не будет...

Недоразумение, порожденное этою откровенностью, разъяснилось, когда через несколько месяцев после свадьбы Е.П. Блаватская неожиданно возвратилась к родным, объявляя, что жить с мужем не может, что едет к отцу, который ее встретит в Одессе. Она точно поехала Рионом и Черным Морем (в то время не было железной дороги, ни даже прямого сообщения с Одессой); но доехала только до Керчи, откуда пересела на пароход, шедший в Константинополь, и на несколько лет исчезла бесследно, даже для самых ей близких людей.

Бывший журналист в Англо-Индии, познакомившийся там с Е.П.Б и сделавшийся под влиянием её (позднейших) учений убежденным теософом и писателем-окультистом некто А.П. Синнетт написал книгу под заглавием "Incidents in the life of M-me Blavatsky". Рекомендовать её читателям не смею, так как в нее вкралось очень много неверностей, даже в переводах его с моих печатных рассказов;* но желающих, на свой риск, более подробных сведений об этом времени жизни Елены Петровны отсылаю к ней. Нам, родным своим, она долго ничего не писала; потом года через четыре — пять стали приходить от неё очень редкие и неопределенные вести... Наконец, когда, ровно через десять лет, она возвратилась в Россию, сначала ко мне, сестре своей, в Псковскую губернию, а потом вместе со мной на Кавказ (где впрочем пробыла очень недолго), рассказы её

о том, где и как провела она эти долгие годы, были до того отрывочны и сбивчивы, что из них невозможно было извлечь не только последовательности, но даже чего-либо верного. По крайней мере я теперь не рискну даже утверждать, что немногое, рассказанное мною самою, со слов её, в моей брошюре "Правда о Е.П. Блаватской" (1881 г.), было бы *полною правдой*... Она так многое сама позабыла и перепутала, и, как в наших беседах за последние годы оказалось, желала преднамеренно скрыть, что я предпочитаю *теперь* о тех годах ничего не рассказывать.

* "Ребус" 1881 и 82 г. "Необъяснимое или необъяснённое" и "Правда о Е.П. Блаватской".

Синнет в описании её жизни прямо указывает, что "развитой читатель поймет сразу, что такая прирожденная оккультистка не могла ни в каком случае выносить брачных уз" и *должна* была поступить так, как она поступила... Далее он рассказывает, — вероятно, с её слов, — что она, Е.П. Блаватская *немедленно*, путешествуя по Египту, имела случай начать свои "изучения оккультизма" от одного старика, очень богатого и влиятельного копта; что потом уехала в Северную Америку, после на Цейлон и наконец в Индию, откуда возвратилась в Европу, не успев, несмотря на все старания *в сей раз* проникнуть в Тибет...

Всё, что я знаю верно, это то, что в 1860 г. Е.П. Блаватская, возвратившись из долгих странствий в отечество, уже была окружена таинственной атмосферой явлений, видимых и слышимых, и осязательных для всех её окружавших, но совершенно ненормальных и непонятных. Все выдающиеся феномены того времени описаны мною в вышеназванной брошюре и в другой, под заглавием "Необъяснимое или необъясненное". Повторять их вновь излишне.

Одно скажу. Тогда Елена Петровна не умела не только их объяснить, как пятнадцать лет спустя последовательно и уверенно объясняла происхождение и сущность всех движений, стуков, звуков и всякого рода явлений, равно как и своего ясновидения, а даже не могла справляться с ними. Все эти феномены были вне её власти и контроля; хотя проявлялись постоянно, не требуя никаких приготовлений, никакого сосредоточения воли, а просто, как независимые явления будто бы ей посторонних сил. Она сидела неподвижно, за работой или чтением, а вокруг, часто даже во время сна её, — всё ходенем ходило и, казалось, оживало жизнью вполне бесконтрольно, потому что останавливать или возбуждать ее от неё не зависело. А когда мы снова ее увидали, в 1884 году, то все эти проявления сил невидимых агентов и еще очень многие *несравненно более осмысленные* феномены были ей вполне покорны, — *никогда* не проявлялись без её воли и прекращались мгновенно, по её желанию.

Точно та же перемена проявлялась и в случаях её ясновидений. В начале шестидесятых годов она *не желая*, часто видала вещи ни ее и никого особенно не интересовавшие; а двадцать лет спустя она переносилась духовным взором туда, куда хотела, и видала тех и то, кого и что *хотела* видеть...

Но не буду забегать вперед.

В те годы зарождавшихся понятий о спиритизме и медиумизме мы так и положили, что Е.П. Блаватская очень сильный медиум; но сама она впоследствии горячо отрицала это; в течение пребывания своего в начале семидесятых годов в Америке, — гнезде и родине по преимуществу всех медиумических явлений, — она пришла к убеждению, что спиритизм занятие вредное, часто очень опасное, всегда бесполезное; а что медиумы — самые ничтожные и жалкие орудия во власти не всегда чистых сил природы... Ниже я приведу собственное письмо её, которое может объяснить её взгляд вернее. Но прежде надо сказать, что, прожив года два-три на Кавказе, Е.П. Блаватская снова уехала за границу в Италию, кажется; потом в Грецию, Египет, снова на дальний Восток, и наконец, в июле 1873 года очутилась в Нью-Йорке, где зажила долго, приняв американское гражданство, и вскоре принялась за свой первый капитальный труд "Isis Unveiled".

Вот к этому-то именно периоду её жизни и относится то изумительное для всех ранее знавших ее полное перерождение; вдохновение в неё знаний и способностей, никогда прежде её не отличавших и до того невероятных, что близкие её прежде вовсе им не верили; а потом долго относились скептически к её произведениям, ища им объяснения, — совестно вымолвить, — в подлоге и обмане!..

III

Для нас, её близких в России, первое, чем ознаменовалось её пребывание в Соединенных Штатах, были статьи проф. Вагнера в "Русском Вестнике" извлеченные из "People from the Other World", книги Олькотта по поводу медиумов братьев Эдди и явлений материализаций, впервые проявившихся миру в их американском коттедже. Нас поразили не эти явления, которые мы, я по крайней мере, сочла выдумкой и басней; но присутствие на сеансах Е.П. Блаватской и появление на подмостках Эдди "духа дяди её, Г.А. Гана" *будто бы* явившегося в числе других.

Помню, что рассказ этот так возмутил меня, что я написала ей негодующее письмо, на которое она отвечала, что это явление произошло не по её воле и что сама она не рада, что принимала участие в этих сеансах, заинтересованная ими. Вскоре после того все письма её переполнились осуждениями занятиям спиритизмом и указаниями на вред их и самообман, которому добровольно подвергаются люди, ищущие свиданий со своими умершими.

У неё, для объяснения того, что пугает наше воображение, как проявление неведомого и невидимого мира теней, вскоре составила теория, которая для последователей философии теософизма составляет такой же ясный и непреложный закон природы, как самые материальные проявления её сил. Они убеждены, что то, что в спиритических проявлениях не ложь и обман самих медиумов — ложь и обман еще несравненно худшие и несравненно более опасные: это *маскарад* самых низших духовных организмов, которые материализуются с помощью жизненных органов несчастных медиумов, высасывая из них, как вампиры высасывают кровь *вещественные оболочки*, вместе

с жизненной силой и здоровьем. Помощью их эти, недостойные доверия, силы облекаются в видимые облики тел, им не принадлежащих, в не успевшие разложиться, еще витающие в атмосфере испарения, или земные останки, так сказать *в старые платья* отшедших созданий, и делаясь видимыми, как вороны в павлиньих перьях, являются дивить, морочить и пугать добрых людей, силой настроенного воображения признающих в них своих близких. Теософисты не отрицают возможности явления умерших, но те бывают независимы от людского произвола, самостоятельны и почти всегда мотивируются разумными причинами, духовными стремлениями умерших к живому, а не вызываются насильственно; материализации же, вызываемые спиритами, всегда воплощения дурных, лживых начал или отбросков бытия. Всего чаще это души людей, не стремившихся при жизни к духовному усовершенствованию; а вследствие этого, не очищенные от страстей и плотских стремлений, с которыми умерли, они долго удерживаются в земных сферах собственным тяготением к грубым наслаждениям плоти. Их не вполне дезинтегрированными обликами или тенями (*perésprits*, англичане их называют очень образно "shells" — то есть *скорлупами*), праздно витающими в пространстве до окончательного разложения, пользуются иногда *элементарные* силы; а иногда и сами они сливаются с живыми людьми, медиумами по преимуществу, и из них исходят уже в оживлённых до видимости оболочках, стремясь хоть мгновенно насладиться материальными благами, животными наслаждениями, которых смерть их лишила. Таким-то слиянием грешных духов умерших с живыми, призывающими их на себя, и объясняют теософисты всевозможные наваждения *вселения*, *одержимости* и так сильно распространившиеся за последние годы душевные и даже физические недуги: эпидемии и всякие новые страдания бедного человечества.*

* В объяснении этих явлений теософисты придерживаются теорий буддистов, разделяющих бытие человеческое на 7 принципов: 1) физическое тело, — "штуль-шарира"; 2) жизненная сила, — "джива"; 3) "линга-шарира", — астральное тело или двойник (*perésprit*); "кама-рупа" — *тело обмана* (*le corps de illusion*), вещество, имеющее свойства изменения формы, то есть появления в виде зверя или чудовища, в простонародном понятии *оборотень*; 5) "манас" физическая интеллигенция, самосознание посредством пяти чувств (*l'ame animale*, которой не лишены и животные); 6) "бодди" — душа божественная и 7) самый высший принцип, луч или искра Божества — "Атма" или "Брам". Объясняя материализации спиритизма, они их делят на два разряда. Это, говорят они, или первобытные, в материальном смысле бесплотные, зачатки, принципы (*elementaux*) будущих людей; силы, еще ожидающая воплощения и самоусовершенствования посредством многих перерождений. (К этим "элементам", имеющим свойство облекаться в видимые образы при известных условиях, они относят все создания народных фантазий, как гномы, саламандры, русалки и прочие "бестелесные силы, ожидающие инкарнации")... Или же еще хуже: *бхуты*, то есть животные души — *манасы* (5-е принципы человеческого бытия), силы самосознания бывших живых созданий, животных или же людей, не успевших еще усовершенствоваться в плоти до воссоединения *манаса* с *боди*. Когда пятый и шестой принципы успевают при жизни человека слиться воедино, что достигается долгим рядом существований, реинкарнациями, в течение которых "ego", бессмертный дух его, всё более совершенствуется, тогда он достигает индивидуального бессмертия. Существованием "*бхутов*", этих бестелесных "манасов" бытия земного, общих людям и зверям, верующие в эти теории объясняют возможность появления призраков собак, кошек и прочих животных. В отличие от бестелесных зачатков, — элементов, их называют "элементариями".

Вот в сокращении письмо Е.П. Блаватской начала семидесятых годов, объясняющее её взгляды на спиритические наваждения.

"Чем более вижу я спиритических сеансов в этой колыбели и рассаднике спиритизма и медиумов, писала она, тем яснее вижу, как они опасны для человечества. Поэты говорят о *тонкой перегородке* между двумя мирами, — перегородки *нет* никакой! Слепые люди вообразили какие-то преграды потому, что грубые органы слуха, зрения и ощущений наших не позволяют большинству их проникнуть *разность* бытия. Впрочем мать природа хорошо сделала, наградив нас *грубыми* чувствами; иначе *индивидуальность* и *личность* (personalité) человека сделались бы невозможными, потому что тогда мертвое постоянно бы смешивалось с живым и живые люди ассимилировались бы с умершими... Еще если бы вокруг нас существовали однородные духи, полудуховные отброски смертных, умерших не примирившись с великою необходимостью смерти, можно было бы помириться с неизбежным. Мы не можем, так или иначе, совершенно произвольно, не отождествляться физически с мертвыми, поглощая составные атомы того, что жило до нас: со всяким дыханием мы вдыхаем их, а выдыхаем то, что питает бесформенные создания, элементы, витающие в воздухе, в ожидании превращения в живых созданий. Это не только процесс физический, но и духовный отчасти. Впитывая постепенно их мозговые молекулы, меняясь интеллектуальными *орами*,* значит мыслями, желаниями, стремлениями, — мы ассимилируем тех, кто нам предшествовал..

Это перерождение общее человечеству и всему живущему. Натуральный процесс, вытекающий из законов экономии природы... Он объясняет сходства внешние и нравственные...

...Но есть другой, исключительный закон, который проявляется периодами и спорадически: это закон, как бы искусственной, насильственной ассимиляции. Во время подобных эпидемий царство мертвых вторгается в область живого; хотя к счастью эти отброски его связаны узами былых условий и не могут, по вызовам медиумов, нарушать границ и пределов, в которых действовали и жили... И чем шире открыты им двери, чем сильнее распространена некромантическая зараза, чем дружнее желания медиумов и спиритов распространяют магнетический ток своих призывов, тем более сил и жизненности приобретает наваждение."

* Ора (aura—limbe) — свет, осеняющий головы всех людей, по мнению теософов. Сияние нравственной атмосферы каждого. У иных оно темней, у других чище, а у святых блистает ярко.

Е.П. Блаватская описывала многие сеансы, которыми была свидетельница, приходя в ужас от своего ясновидения, дававшего ей полную возможность видеть скрытые от других подробности "вторжения" этих полчищ бездушных и бессмысленных останков человечества, "сотканных из переживших тела их плотских страстей, дурных помыслов и порочных чувств" — по убеждению её.

..."Ведь лишь такие земные останки, неотразимо стремящиеся к земле, и не могут следовать за освобожденными душой и духом, этими высшими принципами бытия

человеческого! — говорит она далее. — Часто я с ужасом и отвращением наблюдала, как отделялась такая *ожившая* тень из внутренностей медиума; как, выделяясь из его астрального тела, в чужой оболочке называлась якобы своим *близким*, умиляя их до восторга, заставляя широко открывать сердца и объятия этим теням, которых они искренно считали своими дорогими отцами и братьями, воскресшими для убеждения их в вечной жизни и свидания с ними... А если бы знали они правду! Если бы верили ей!.. Если бы видели, что я часто видела, как уродливое, бесплотное создание иногда набрасывается на кого-либо из присутствующих на этих волхвованиях спиритов. Оно окутывает человека, будто черным саваном и медленно исчезает в нем, словно втянутое в тело его каждым живым пором."

Такими *всасываниями* Е.П. Блаватская и объясняла *одержимости*, *вселения* и всякие ненормальные страсти, проявляющиеся часто у детей, у молодых девушек, у людей самых нравственных, но под наитиями свершающих даже преступления.

IV

Такого рода письма она писала вскоре по переселении в Америку; а в конце 1875 года изумила нас рассказами о замышленном ею "Обществе Всемирного Братства", о своих занятиях древнею философией народов Востока, — *теософией*, о которой она "начала писать большое сочинение"...

Помню как сейчас, до какой степени эти известия нас поразили. Я положительно не знала, что думать, чем объяснить такие *фантазии*?.. Изучать что-нибудь, хотя бы самое премудрое, — почему нет?.. Я всегда знала сестру за умную, способную женщину, которой давалось всё, за что она серьезно бралась. Но *сразу* об этой, неведомой дотоле науке, самой уж и книгу писать?!.. Я просто испугалась, что она сошла с ума...

На моё отчаянное воззвание к ней последовал ответ, который меня еще более убедил в том, что если и не совсем она помешалась, то всё же таки у неё по поводу этой теософии, Общества, американского полковника Олькотта, спиритических феноменов братьев Эдди и *tutti quanti* чудес, которых она не хотела признавать чудесами, проявился *пунктик*... Я серьезно этого боялась и со страхом ожидала, что выйдет из всей этой кутерьмы: немножко успокоенная лишь тем, что Елена Петровна присылала мне иногда свои статьи в американских газетах и отзывы о них, которые убеждали меня, что немедленного переселения её в дом умалишённых пока бояться нечего. Дело в том, что тут она впервые, желая меня успокоить на счет правоспособности своей выпустить в свет *ученое* сочинение, помянула своего "master", — учителя или *хозяина*, как она называла его по-русски...

Оно бы всё ничего, письма её вообще были бы даже рациональны, если бы, заявив, что сочинение свое она будет писать под руководством или, как она выражалась *под диктовку хозяина* и объяснив, что этот пресловутый хозяин — мудрец, очень ученый брамин с дальнего востока, она бы этим удовольствовалась.

Но те свойства, которые она придавала ему и на которых настаивала, заявляя этому человеку такое уважение, послушание и покорность, которые граничили с поклонением, меня сбивали с толку!.. Она, — никому, никогда не покорявшаяся; во всём, от раннего детства поблажавшая одной своей воле, — она вдруг, чуть не в старости, по пятому десятку нашла человека, господина и повелителя, пред волей которого безмолвно склонялась?.. Да еще какого человека! Какого-то колдуна, полумифического индуса с берегов Ганга!.. Я ничего не понимала!

Я не обинуясь, впрочем, должна признаться, что мое непонимание продолжается и поныне; несмотря на чуть не ежегодные свидания с нею в последние пять лет, — свидания, длившиеся под кровом её по месяцам, — я всё-таки очень мало поняла из всех её усердных объяснений. И ныне, как и пятнадцать лет тому назад, я дивлюсь происшедшему с ней самой *феномену внезапного всезнания* и глубочайшей учености, свалившейся на нее, как с неба, — гораздо больше, чем всем чудесам, которые ей приписывают её поклонники теософисты.

Возвращаясь к 1875 году — году основания ею Теософического Общества.

Олькотт, полковник американской службы, отличившийся не раз во время войны за освобождение негров, в начале появления спиритизма увлекался им, как и очень многие, видя в нем не пустую забаву, а доказательство мира духовного, существования разумных, или, по крайней мере, одаренных волей и сознанием сил, сокрытых от человечества. Заинтересованный удивительными манифестациями в Вермонте, у братьев Эдди, он отправился туда, тщательно и долго наблюдал за проявлениями и материализациями, наделавшими столько шума в свое время даже в Европе, и написал о них целую книгу, под сенсационным заглавием "Люди с того света" (People from the Other World). Там он впервые встретил приехавшую, тоже по любопытству, из Нью-Йорка, Блаватскую и скоро сошелся с ней во мнениях касательно сути спиритизма и его различия со стремлениями чисто духовными, со *спиритуализмом*, которым она в то время увлекалась, работая над отвлеченными, оккультическими науками, под руководством своего "учителя". Вскоре Олькотт бросил службу и все занятия свои, поступив в *челы*, то есть в ученики и последователи того самого брамина или радж-йога, или гуру, или еще *махатмы*,* который учил её; а через несколько месяцев теософическое движение уже было в полном ходу. Самым ранним, деятельным, искренним и верным их сподвижником в этом деле был некто мистер Джёдж, тоже бросивший адвокатуру и посвятивший себя с первых дней знакомства с Е.П. Блаватской пропаганде её учения. Он с той поры и поныне состоит президентом Теософического Общества в Соединенных Штатах, издает теософический журнал "The Path" и в продолжении всей её жизни был преданнейшим ей другом. Из рассказов и писем этих двух сподвижников её дела я извлекаю всё, что касается пребывания её в Америке и основания общества.

* Мах-атма — "великая душа". Название, которым в Индии величают таких учёных мудрецов, полуотшельников, признаваемых святыми и магами. Один из них был описан Блаватской под именем Такура, Гулаб-Лалл-Синга, в её "Из пещер и дебрей Индостана".

"Странное стечение обстоятельств привело меня к знакомству с этою удивительно женщиной и на веки соединило нас в заботах и трудах общего великого дела, — рассказывает полковник Олькотт. Мы с ней сошлись в гнезде спиритических проявлений лишь затем, чтобы тотчас от них отвернуться, поняв их суетность и вред... Ей одной я обязан познанием эзотерической (тайной) философии древнейшего учения, сохраненного для мира братством великих учителей Востока и знакомством с некоторыми из их представителей... Она была посредником между ними и мной, прежде чем я сам вошел в сношения с ними. В особенности с одним из них, которого учение, благородный пример, терпение и благожелание обратило сердца наши к нему навеки. В нашей совместной, многолетней работе, под верховным покровительством наших благословенных руководителей, я познал в ней свою возлюбленную духовную сестру, с которой я, без сомнения, связан вечными узами прежних и будущих существований..."

Как теософ и убежденный буддист, полковник верит вполне в реинкарнацию.

Олькотт и Джедж были свидетелями такого множества произведенных Блаватской "натуральных" (как они их называют) феноменов, что перечислить всех их рассказов и печатных показаний невозможно! В то раннее время, когда им было необходимо приобретать, так или иначе, как можно более верующих последователей, она, рассказывают они, "не скупилась на демонстрации своих психических сил: феномен следовал за феноменом, изумляя, убеждая и обращая в прозелиты её доктрин, силой восторженного изумления, тех, которые не скоро бы познакомились с ними и не стали бы, может быть, теософистами в силу одних отвлеченных истин и мудрости их"...

Такой же убежденный теософ и преданный друг Елены Петровны, мистер Синнетт, осуждает эту необдуманную систему "убеждения посредством феноменов" ("Incidents in the life of M-me B." стр. 183), сожалея, в качестве знатока оккультизма, "такую затрату психической энергии", которая, очевидно, отразилась на последующем здоровье основательницы их общества...

Далее я укажу на несколько таких, по нашему слабому разумению, совершенно невозможных чудес, засвидетельствованных в разные времена разными лицами. Но признаюсь, что хотя сама я видала множество явных доказательств духовных сил Е.П. Блаватской, однако рассказы очевидцев, которым я не имела права не верить, зная их за честных, разумных людей, собственно о *творческой* силе её, — меня всегда удручали своею сказочностью.

Прежде, когда я не была лично знакома с этими людьми, в то время, когда сестра присылала мне из-за тридевять земель отчеты газет о своих деяниях, я просто им не верила, не отдавая себе ясного отчета в том, кто кого морочит... Это было спокойнее. Теперь я не имею права решительно отрицать их.

Когда в 1870 году вышла в свет талантливая защита спиритуализма Альфреда Ресселя Уалласа, известного натуралиста и сотоварища Дарвина, — книга озаглавленная "Defence of Modern Spiritualism", Елена Петровна обрадовалась чрезвычайно и тотчас же прислала мне эту книгу со своими объяснениями и

комментариями. Она указывала, как верно понял этот натуралист-философ задачи их зарождавшегося общества.

"Посмотри, пишет она, как умно он (Уаллас) доказывает, что ошибаются те люди, которые говорят, что мы проповедуем старые предрассудки и суеверия. Что собрание людей, которые проповедуют изучение человеческой природы, посредством исследования её нравственных и духовных сил, поучает стяжанию блаженства вечного, посредством их полнейшего развития, есть первый враг не только грубого материализма, но также и всякой нелепости предрассудков и поклонения мифам... Спиритуализм — наука опытов. Его развитие, к которому стремится Теософическое Общество, даст возможность, наконец, найти основание истинной философии. Истина одна и превыше всего!.. Теософия совершенно уничтожит бессмысленные термины: чудо! сверхъестественное!.. В природе всё естественно, да не всё известно. И ничего нет пречудеснее её сил, открытых и сокровенных. Спиритуализм — духовные силы человечества и познание более глубокое психических сторон бытия, которое мы, теософы, проповедуем, — излечит вековое зло препирательств религиозных, благодаря которым исчезает в людях вера в исконные, святые истины бессмертия и воздаяния по заслугам. Уаллас правду говорит, что спиритуализму должны принадлежать все симпатии моралистов, философов, даже политиков и всех, кто желает усовершенствования наших обществ и жизни."

Блаватская просила Олькотта быть президентом зарождавшегося общества, а сама скромно назвалась его секретарем-корреспондентом. Три главные цели его тогда же были официально определены: 1) Составить начало "Всемирного братства человечества" без различия рас, вер и происхождения, все члены коего обязывались стремиться к самоусовершенствованию и к взаимному вспомоществованию, как нравственному, так по возможности и материальному. 2) Распространять изучения арийских и других восточных знаний, верований и литератур и 3) изыскания в области неизведанных законов природы и психических сил человека. Вторая задача считалась менее обязательною, чем первая; от третьей же были свободны все члены общества, ей не сочувствовавшие, вступавшие в него лишь ради практических, научных, или гуманных целей. Теософическое братство стало разрастаться чрезвычайно быстро, благодаря неусыпным трудам и пропаганде троих его первоначальных деятелей в Америке.

Несмотря на усиленные занятия над своею книгой, Блаватская пользовалась в то время почетным местом в прессе Соединенных Штатов. Она много писала о своих путешествиях, о кавказской жизни; но более всего газеты ценили её полемические статьи. Её сатиры на католичество и папу, за его симпатии туркам,* статьи, которые она подписывала полным именем с добавлением: "a russian woman" — *русская женщина*, вызвали бурю аплодисментов со стороны журналов, более сочувствовавших христианам; а в среде американских католиков вызвали такие опасения, что кардинал, ирландец MacKlosky счел нужным командировать к ней одного из своих секретарей, для умиротворения её возбуждения.

* Готовилась русско-турецкая война.

Тот явился по всем правилам иезуитской коллегии, с самым невинным и кротким лицом, как будто бы руководствуясь лишь желанием познакомиться с "такою замечательною женщиной..." Но Елена Петровна скоро его раскусила, и иезуит потерпел полное фиаско, над которыми много смеялись друзья её и сама она. Тот было вздумал польстить ей, как *исключительному явлению*, как "передовой мыслительнице, сумевшей отбросить предрассудки патриотизма и поставить себя в независимое положение, в независимой стране..."

"Я ему сказала, что он напрасно старается! — писала она мне в феврале 1877 года, присылая кипу вырезок из газет, касавшихся этого дела. Что во что бы я сама, как теософка, ни верила, ему до этого дела нет! Что православная вера моих русских братьев для меня священна; что за неё и за Россию я *всегда* вступлюсь и буду писать против нападков на них лицемерных католиков, пока рука держит перо, не боясь ни угроз их папы, ни гнева их римской церкви — la Grande bête l'Apocalypse..."

И прогнала секретаря кардинала, тотчас же разразившись новою статьей против "главы христианской Западной церкви, благословляющего мусульман на избиение христиан, славян и русских".

Вскоре после этого боя с иезуитом Блаватская прислала своим родным еще газетные статьи о курьёзном бое её против материалистических учений европейской знаменитости.

"Посылаю вам, друзья мои, пишет она, еще одну статью мою, которая тоже здесь получила не малую честь и в нескольких нью-йоркских газетах перепечатана. Видите ли, был здесь лондонский ученый Гёксли (Huxley), "родитель протоплазма и великий жрец *психофобии*", как я его окрестила. Прочел три лекции. На первой похерил Моисея и весь старый завет упразднил, объявив публике, что человек не что иное, как правнук лягушки силурийского периода. На второй он, словно *Кит-Китыч*, всех и каждого разобрал: "Все вы, говорит, дураки! Ничего не понимаете... Вот, говорит, вам четырехпалая нога допотопной лошади Гипериона, из которой явствует, что мы, пятипалые люди, состоим и с ней, по происхождению, в ближайшем родстве..." Какова обида?! На третьей лекции окончательно зарвался и заврался наш премудрый психофоб. "Слушайте, говорит: я и в телескопы смотрел, и в воздушных шарах под облаками свистел, всюду преусердно Бога разыскивал. Нигде, несмотря на все поиски, его не видал и не встречал!.. Ergo — Бога нет и никогда не бывало!.." Стоило ему за такую логику 5000 долл. за три лекции платить!.. А равно, говорит, и душа человеческая... Где она? Укажите мне её, как я вам укажу сердце и пр. потроха. Anima mundi — эфир, Архос Платона. Как я души ни искал и в подзорные трубы, и в микроскопы, и наблюдая умиравших, и анатомируя умерших, ну, слово гонору, нигде, говорит, её и следа нет!.. Всё одно враньё спиритов да спиритуалистов. Вы, говорит, им не верьте!.."

"Уж очень я тогда огорчилась! Ну, просто, даже злость взяла... Пойду, думаю себе, да и напишу статью *обывательную* на этого Кита-Китыча самодура!.. Ну и что ж ты думаешь? Написала. И вышло недурно, как можете судить по прилагаемому экземпляру. Я, конечно, сейчас взяла, запечатала и послала через наших членов-

корреспондентов, эту статью в Лондон, к Huxley, with my most earnest compliments..."

Как только началась наша война с турками, Е.П. Блаватская взялась корреспондировать из Нью-Йорка в "Тифлисский вестник" с тем, чтобы весь гонорар её шел в Красный Крест и в бараки раненых. Статьи её, чрезвычайно занимательные и остроумные, она подписывала псевдонимом *Голос* и озаглавила "Голос из-за океана", предпослав им введение, что якобы она позаимствовала у своего приятеля Эдисона только что изобретённый им телефон и беседует непосредственно с редактором тифлисской газеты.

V

Вот некоторые сведения о происходившем во время пребывания Е.П. Блаватской в Нью-Йорке, взятые из показаний Джёджа, Олькотта и прочих, в книге Синнета, в журналах "Lucifer", "New York Times" и других.*

* Предо мной, кроме теософических изданий, газеты тех времен и "New York Times" от 2 января 1885 года, где по поводу статьи о прогрессе Теософического Общества автор вспоминает *своё* знакомство с Е.П. Блаватской в то же время в 1875 г. Ради полности описаний я пользуюсь всеми ими, хотя рассказы сильно сокращаю.

"Первое моё знакомство с "Н.Р.В." было зимой 1874 года. Она жила тогда в Нью-Йорке, в Ирвинг-плэс, где имела ряд комнат, оригинально убранных всевозможными редкостями, индийскими шаями, идолами, набитыми животными, пальмами и разной зеленью; в них царствовал вечный беспорядок. Я пришёл вечером; она была окружена, как всегда, множеством посетителей, разговаривающих на всевозможных языках. Сама она быстро и оживлённо разговаривала по-русски с каким-то соотечественником, что не мешало ей от времени до времени оборачиваться то к одной группе, то к другой и вмешиваться в их разговоры, на их языках, словно она сразу их всех слышала и знала. Она посмотрела на меня, мне улыбнулась, как человеку давно ей знакомому, и мною мгновенно овладело убеждение, что я точно знал её — знал давно и ныне вернулся к ней за потерянными временно сведениями... И она, не спрашивая, указала мне вновь наше общее дело, будто мы оставили его накануне, как старший брат, снисходительный к забывчивости младшего; она с силой знания и власти повела меня за собой к нашей общей цели, которой посвятила свою львиную силу, своё золотое сердце, — к неустанному труду на спасение этой *великой сироты человечества!*.. Многое было мне открыто в тот же вечер: она знала всё, что меня касалось; она отвечала на мои мысли, не спрашивая их.

Со мною пришел юноша, по-видимому, столько же заинтересованный делом, как и я, но она мало обратила на него внимания, будто зная, что ему не посвятить всей жизни делу, как я посвятил свою. Перед уходом она ему сказала: "Вы скоро женитесь, получите назначение в своём отечестве и уедете ранее полугода".

Мой знакомый, который только что приехал с Сандвичевых островов учиться со мной законам, всю дорогу домой хохотал, поднимая на смех пророчество. Но не прошло и шести месяцев, как оно буквально исполнилось.

На другой день после первого знакомства пришло мне в голову испытать её психические силы. У меня был редкий экземпляр каменного египетского жука. Я приказал клерку его запаковать и отправить по почте по адресу г-жи Блаватской, нарочно до него сам не дотрагиваясь. Когда я в конце недели вошел к ней вновь, она горячо меня поблагодарила за подарок, но едва я вздумал отнекиваться, она засмеялась и рассказала мне всю процедуру его отправления и моих предосторожностей."

Рассказав о музыкальных звуках, о стуках в стены, окна, зеркала и прочих манифестациях (окружавших Е.П. Блаватскую и в шестидесятых годах, когда она была в России, с тою только разницей, что все эти явления, по свидетельству его, в Америке уже повиновались её воле вполне, — учащались и замедлялись, переносились с места на место по её приказу), мистер Джедж следует за ней в другое помещение, на 47-ю улицу, где она прожила до самого отъезда в Индию в декабре 1878 года.

Много дней и вечеров полных чудес провёл он с ней в течение этих трёх лет. Е.П. Блаватская постоянно была окружена множеством посетителей, искавших более нежели знаний таинственных фактов и удивительных зрелищ, всегда её окружавших, когда она к ним относилась пассивно. Она, бывало, сидит спокойно у письменного стола, глубоко занятая над своею "Изидой", а по всем комнатам носятся огненные, сияющие шары, раздаются звуки то музыки рояля, то серебристые трели флейты, то свист, то колокольчики... "В ноябре, кажется, или декабре (1875 года) случилось мне видеть первый феномен, сознательно исполненный ею", — рассказывает далее мистер Джедж.

"Полковник Олькотт получил из Бостона фотографию автора сочинений "Art Magic" и "Ghost Land".* Корреспондент его требовал немедленной отсылки портрета обратно, так что, посмотрев его, мы тут же его запаковали и я сам его отправил на почту. Два-три дня спустя зашла речь о портрете, и г-жу Блаватскую попросили дать его дубликат, в полной уверенности, что это превысит даже её силы...

Она взяла кусок картонной бумаги, вырезала его в величину портрета; тут же положила его на стол, прикрыла листком пропускной бумаги, на минуту приложила сверх его руку и тотчас же сняла. Под пропускным листком бумаги *оказался портрет, верный снимок с отправленного в Бостон...*" Этого мало!.. Полковник взял портрет этот с собой, положив его в книгу: на другое утро он оказался простым белым картоном... Только имя внизу, написанное карандашом, уцелело. "Тогда мы его отнесли к Елене Петровне, — продолжал Джедж, — прося её возобновить его, если можно, и *вновь она, повторив тот же процесс, через минуту подала нам снова появившуюся фотографию*, на сей раз оставшуюся навсегда."**

* Emma Hardinge Britten, книги написаны в 1876 г. — прим. ред.

** "Incidents in the life of madame Blavatsky", 189—190.

Против письменного стола Елены Петровны стояла этажерка, а на ней набитая сова с удивительно живыми глазами.

"Поистине, — заявляет рассказчик, — я бы мог об этой птице рассказать дивные дела, но повторю лишь слова Жаколио: "Мы видывали вещи, которых рассказывать нельзя из боязни прослыть сумасшедшими". Но мы *все же* их видели", — добавляет он, а мы ещё прибавим: "Если видели, то уж лучше замолчите и никогда никому не рассказывайте!"

"Замечательно, — говорит мистер Джедж, — что при каждом таком феномене всегда распространялся особый аромат нам всем хорошо знакомых духов, или пахучей смолы, сопровождавший или предшествовавший явлениям."

Была у Блаватской письменная шкатулка, или маленькое бюро с выдвижными ящичками, которое всегда стояло у ней возле письменного стола, на особом столике и всегда было пусто. Она говорила, что оно дорого ей по воспоминаниям. Олькотт и Джедж оба рассказывали много о нем чудес: из него вынимались, бывало, вещи, которых никто не мог в него положить, и исчезали туда положенные предметы. Это простой шкафчик-шкатулка, безо всяких секретных ящиков или скрытых пружин. Да, впрочем, по мнению в те времена окружавших её людей, не было предмета в её комнатах, с которым не было бы соединено, прямо или косвенно, какого-нибудь феномена. Mrs Elizabeth Thompson, известная в Америке филантропистка, попросила на время у Е.П. Блаватской кольцо с её руки. Она тут же спустила его со своего пальца и надела на её, но присутствовавшие клянутся, что кольцо "раздвоилось на два совершенно сходные": одно осталось на её руке, а когда м-с Томсон принесла данное ей обратно, Блаватская, будто бы, при всех надела его на тот же палец и "два кольца слились в одно"...

— Одно из колец было *майей*, — миражем, смеясь говорила она: — но угадайте — которое?..

Раз она подарила одной даме ожерелье, а один из посетителей воскликнул: "хоть бы одну бусу вы мне подарили!" Она тотчас же склонилась к ожерелью, которым любовалась дама, сняла одно из его зерен *прямо*, не разорвав шнурка и не мало не испортив бусы, и у всех на виду вколола ее ему в галстук. *В руках её зерно ожерелья превратилось в булавку.**

* Та же книга, стр. 196.

Среди таких чудотворений что уж и поминать о том, что все вещи, нужные ей в данную минуту, "у всех на глазах" прилетали к Е.П. Блаватской из других комнат по воздуху,* что все её посещавшие слышали у неё то и дело музыку, не просто аккорды, а целые мелодии, которые раздавались то под потолком, то из камина, то в одной, то в другой комнате, перелетая неуловимо... Некто мистер Кёнингам

обратился к Е.П. Блаватской с просьбой избавить его от преследований медиумических стуков, которых он не умел контролировать; но когда услышал её речи и в особенности показания её окружавших об оккультических её силах, то усомнился и втайне помыслил о шарлатанстве и обманах. Блаватская тотчас прочла его мысль и сказала, улыбаясь, будто он её вслух произнес: "Нет, это вы напрасно думаете, и чтобы доказать вам, что такого рода вещи производятся силой воли, я доставлю вам *непосредственно* предмет, который вы сами пожелаете получить... Подумайте о какой-нибудь вещи!.."

Кённингам оглянулся, и так как в комнате не было цветов, ему пришла на мысль *роза*. В ту же секунду он машинально поднял глаза и *увидал розу в полном цвете, которая спускалась к нему стеблем книзу и сама же остановилась у его бутоньерки...*

Мы все видели у полковника Олькотта прекраснейший рисунок: голову факира, в тюрбане, с опущенными задумчиво глазами. Она, говорили они, была точно так же произведена, как и фотография. Факира, уже умершего, вспоминали и жалели, что нет портрета такого типичного лица. Блаватская выразила желание, чтоб ей могло удаться его воспроизведение, и в присутствии многих своих гостей положила руки на лист белой бумаги. Через несколько минут все были поражены чудным, вполне сходным портретом факира, и тотчас же все видевшие феномен дали в том свои подписи и *нотариальным порядком* засвидетельствовали подписи эти и факт. Мало этого: рисунок неоднократно был подвергаем рассмотрению живописцев и химиков-экспертов. Все официально признали, что не могут определить, какими способом и красками мог быть воспроизведен рисунок такой удивительной тонкости и силы.**

* Я обязана признаться, что сама не раз, со всем домом своим, видала такие полеты предметов и слышала музыкальные аккорды, о чем в свое время и заявляла печатно.

** Всё это дело со всеми документами и свидетельствами описано много раз и, между прочим, занимает видное место к книге Синнета, на стр. 200—205.

Как все эти чудеса (из рассказа о которых я еще множество пропускаю) ни кажутся неправдоподобными и поразительными, но есть в рассказах Олькотта, Джеджа и Синнета еще невероятнее вещи: это *сотворение* разных металлических и других предметов, не расплывавшихся *маей* или галлюцинацией. Так, раз, она будто бы указала на розу, которую сестра Олькотта только что сорвала в саду и приколотла к своей груди; она приказала ему вынуть *кольцо, скрывавшееся в бутоне*; кольцо оказалось гладким золотым, но когда он воскликнул: "как жаль, что нет на нем бриллианта"! — *она провела рукой над ним, и на кольце* (которое он и теперь носит) *оказался прекрасный бриллиант (!?!)*. Много раз рассказывал он мне это происшествие с мельчайшими подробностями, но не имея под рукой "The Occult World"—книги, где это чудо описано, боюсь останавливаться на нем подробно, чтобы память мне не изменила. За одно могу ручаться, что никто не свидетельствует большего числа и более чудесных, если можно так выразиться, более *материальных* феноменов, сотворенных Е.П. Блаватской, как п-к Олькотт. По его рассказам, она то и дело *творила* вещественные предметы, размножала их

и "дезинтегрировала" (как они выражаются) по своей воле, во всякое время, у всех на виду.

Пока не стану больше говорить о таких феноменальных показаниях последователей Е.П. Блаватской, боясь утомить читателей рассказами о том, чтоо́, без сомнения, большинству покажется баснями, волшебною сказкой, и сама разделяю мнение Жаколио о том, что невозможно иногда описывать всего, что знаешь... Сам великий описатель многих невероятных деяний Е.П. Блаватской, — Синнет, говорит в заключение своих рассказов ("Incidents in the life of m-me Blavatsky", стр. 200): "Я едва ли бы рискнул сообщать всё это печатно, если бы не очевидная невозможность, издавая воспоминания о г-же Блаватской, держаться лишь тех о ней рассказов, которые вообще считаются вероятными. Без сомнения, ни одно лицо, из имевших случай наблюдать феномены, происходившие в присутствии её, не может надеяться, что сторонний мир сочтет его здравым и правдивым, когда он будет о них говорить. Но каждый свидетель, поддерживаемый свидетельством других, находит в этом единогласном свидетельстве поддержку, представляющую великое затруднение их критикам. Не могут же они утверждать, что все — близкие и родные, старые друзья или новые последователи, случайные знакомые или многолетние приятели — все одержимы манией распространять измышления по поводу М-ме Блаватской, или же, что все они в разное время и в разных частях света были подвержены эпидемии галлюцинаций только в отношении её, а во всех других отношениях не выказывали никаких ненормальностей мышления"...

Не менее искренно выражается и W.Q. Judge в позднейшей статье своей "Yours till death and after, H.P.B." ("Lucifer", June 91), говоря:

"Объема всей этой книги не стало бы для описания всех феноменов ею для меня явленных во все эти годы, да я и не хочу говорить о них. Она так часто говорила, что они ничего не доказывают, а вводят лишь некоторые души в соблазн, а другие в отчаяние... К тому же я не думаю, чтоб они свершались для меня собственно; в те ранние дни *ей было необходимо распространять токи своих сил* вокруг себя, а я находился возле, в самом центре её энергии, а потому и был свидетелем постоянных феноменов"... Он далее заявляет, что многие тогдашние свидетели того же, что видел он, сочли разумнее, ограждая себя от недоверия и напраслин, умалчивать об этой стороне деятельности Е.П. Блаватской, но что он никогда не усомнится в чудесной силе толпе неведомых законов природы и духовной власти, достижимой для немногих избранных. "И ныне (по её выходе из смертного тела), утверждает он, я чувствую близ себя вечно могущественное влияние (*ever potent magic*) её непреодолимой власти, увлекательной, как стремительный поток, и понятной тем, кто всегда доверял ей"...

VI

Когда в 1877 году вышло первое научное сочинение Е.П. Блаватской "Isis Unveiled", множество газет и журналов превознесли её, как "вместилище высочайших и глубочайших познаний", что несколько нас удивило, но вместе с

тем и успокоило окончательно за её здравомыслие. Шум, поднятый прессой по её поводу, удивил даже самого автора... Она по этому поводу писала нам, родным своим, ряд самых оживленных, довольных и вместе насмешливых (над публицистами и самой собою) писем, в которых потешалась над своею "фэшинебельностью" и удивительным "стадным соревнованием издателей", которые ей наперебой предлагали выгодные условия, лишь бы перетянуть её в свои редакции.

"Хорошо, что я не тщеславна! — писала она. — Да по правде нет у меня и времени много писать в посторонние издания, за деньги... Наше дело растёт. Мне надо работать, писать и писать, лишь бы находились издатели тому, что пишу"...

"Поверишь ли, — пишет она в одном из писем ко мне из Америки то, что впоследствии повторяла не раз: — пока я пишу, всё мне кажется, что пишу я вздор и глупости, в которых никто ничего не поймет. Потом — напечатаю, и все кричат! Перепечатывают, восторгаются!.. Я часто думаю: уж не ослы ли все они здесь, что так восхищаются?.. Вот если бы писать по-русски, да свои похвалили, может быть и поверила бы, что приношу честь своим предкам блаженной памяти графам Ган-Ган фон-дер Роттер-Ган."

Собственно об "Изиде" она настойчиво постоянно утверждала, что честь авторская ей совсем не принадлежит, что она "совершенно не знала того, о чем писала"; что ей "было приказано сесть и писать" — и она *только* послушалась приказания. Писала то, что ей диктовали, что показывали ей *в чудных картинах*, которые она всё время "боялась не суметь даже описать как следует"...

"Ты вот не веришь, что я истинную правду пишу тебе о своих *учителях*. Ты считаешь их мифами... Но разве ж самой тебе не очевидно, что я сама *без помощи*, не могла бы писать "о Байроне и о материях важных", как говорит дядя Ростя.* Что мы с тобой знаем о метафизике, древних философиях и религиях? О психологии и разных премудростях?.. Кажется, вместе учились, только ты гораздо лучше меня... А теперь, посмотри: о чем я не пишу?.. И люди, да какие — профессора, ученые, — читают и хвалят. Открой "Изиду" где хочешь — и сама реши. А я тебе говорю правду: *Хозяин* всё это мне рассказывает и показывает... Передо мной проходят картины, древние рукописи, числа, — я только списываю и так легко пишу, что это не труд, а величайшее удовольствие..."

* Брат матери, Ростислав Андреевич Фадеев.

В другом письме она писала:

"Не верь, что теософия противоречит или, тем более, что она уничтожает христианство. Она только уничтожает плевелы, а не семя истины, предрассудки, кощунственные суеверия, иезуитское ханжество... Мы слишком уважаем свободу совести и духовные стремления человека, чтобы касаться их пропагандой *религиозных* принципов. У каждого уважающего себя, мыслящего создания, своя *святая святых*, к которой все мы, теософы, требуем уважения... Наше дело только философски-нравственно-научное. Мы добиваемся *правды* во

всём. Мы стремимся к достижению возможного человеку духовного усовершенствования: расширения его знаний, изоощрения сил душевных, всех психических сторон бытия. Всё наше братство теософов должно стремиться к идеалу всеобщего братства всего человечества, к водворению всеобщего мира, к упрочению человеколюбия и бескорыстия, к уничтожению материализма, грубого безверия и эгоизма, заедающих наш век..."

Касательно таинственных личностей называемых ими Гуру или Махатмами *хозяевами* (в более широком смысле, чем master —учитель, именно потому, что теософы, завязанные по преимуществу буддисты, как сам Олькотт, во всём им покоряются и признают их господство), Блаватская и её сподвижники, хотя называют их смертными людьми, однако помимо глубокой учености, нравственной чистоты и мудрости наделяют их долголетием и чудесными свойствами, чисто магическими. Уж одни их атрибуты вездесущности, всевидения и всеслышания превращают их в каких-то богов мифических времен. Они, а иногда и их *челы* (ученики), из тех, что уж достигли посвящения в высшие адепты оккультизма, несмотря на постоянное пребывание, когда бывали *в теле*, за Гангом, на Гималаях и в Тибете, однако сообщаются со своими последователями везде, иногда лично, — в "астральных телах своих"; а не то — посредством неожиданно падающих на них с неба, с потолка, с крыш вагонов и палуб, когда они путешествуют, писем особой формы, с красным иероглифическим рисунком, хорошо знакомым им всем.*

* Появлению подобных магических писем, содержание которых всегда имеет отношение к данному времени их появления, разрешая какое-нибудь недоумение или отдавая приказание, — свидетелей десятки! Уж не говоря об Олькотте, Джедже, Синнете, об её секретарях братьях Китли, графине Вахтмейстер, г-же Безант и прочих близких Е.П. Блаватской людей, но предо мной печатные отзывы сравнительно посторонних лиц, их официальные свидетельства о появлении таких магических писем: семьи Гебхард, в Эльберфельде; издателя журнала "Сфинкс" в Лейпциге, Dr. Гюбе-Шлейдена и проч.

Вот как рассказывал мне лично полковник Олькотт о своём первом свидании с тем из них, которого он и Елена Петровна признают своим личным учителем и покровителем.*

"Жизнь моя до пожилых лет, пока я не бросил всего и не предался весь изучению оккультизма, а впоследствии, благодаря знакомству с вашею сестрой, пропаганде чистой философии "Познания Божества", — *теософии*, не отличалась удачами и счастьем. Я много терпел от семейных горестей, от людской несправедливости и неблагодарности, пока не убедился в их полной несостоятельности, в тщете и ничтожестве всего на земле, кроме стремления к самоусовершенствованию духа. В молодости я не имел случая узнать близко христианское учение и не имел никаких религиозных понятий... Впоследствии высоко нравственная проповедь Будды увлекла меня. Но знакомство с книгой M-me Blavatsky, с её "Isis Unveiled", было краеугольным камнем в моей жизни, и я всею душой предался делу, открывшему мне цель существования и целый мир интереса в сокровищах бытия, о которых я дотоле и не мечтал!.. Ведь она при мне была писана, эта книга, впервые открывшая человечеству древние учения Востока. Ведь я следил за её развитием,

страницу за страницей, шаг за шагом!.. Для меня процесс её рождения, то как писалась она, вся испещренная ссылками на руководство и древние, и новейшие сочинения, которых *не было* под рукой, которые я потом уж проверял по возможности и всегда находил верными, — было самым величайшим феноменом, пред которым все удивительные вещи, когда-либо сделанные "Н.Р.В." — вздор и ничтожество!.. Она творила множество явлений, на которые я смотрел с восторгом и уважением; но никогда не преклонялся я пред психическими силами её так глубоко, как в те минуты, когда видел по её бесчувственному телу, что она *ушла*, — что она *вне* его...**

"...Тогда я еще не был так убежден, как ныне, в духовных силах и свойствах наших тибетских учителей.. Раз ночью сидел я в своей комнате, глубоко погруженный в размышления: не есть ли всё проповедуемое философией таинственного Востока — преувеличением?.. Быть может, все эти чудеса раздвоений человеческого бытия, все эти явления астральных тел, живых созданий, — суть лишь фантазии? Плоды разгоряченного воображения лиц, преданных до ослепления вере в могущество махатм?.. И вот, отчаянно помышляя, что и в этом я могу ошибиться, я принялся *желать*, — всем сердцем, всею силой моей воли, — чтобы мне было доказано могущество их! Их *действительное* участие в последователях, готовых отдать им всю свою жизнь, всю душу!.. И я увидал его!"

* Записано со слов полковника Олькотта в Париже, в июне 1884 г.

** По смерти Е.П. Блаватской президент Теософического Общества печатно ("Н.Р.В.'s departure") заявляет о том, как, занимаясь рядом с ней, он "часто следил за такими полетами её духа". Что тело её тогда было "подобно необитаемому, темному дому без жильца; когда же душа её возвращалась — свет загорался внутри"... В том, что дух её улетал на свидания и беседу с махатмами, никто *из близких ей по учению* не сомневается.

О чем они беседовали, президент Теософического Общества не рассказал нам, но на мое замечание: не сон ли то был?.. Не заснул ли он среди своих размышлений?... Он нас всех поразил ответом:

— Нет! Я имею на то доказательства: вот, что он дал мне, — с чем я всю жизнь не расстанусь!

Он поспешно вынул из грудного кармана портфель, а из него, завернутый в тонкую бумагу, белый кашемировый шитый золотом шарф.

— Я сам боялся, что сочту это после сном и умолял его мне что-нибудь оставить на память. Он снял со своего тюрбана вот это, сделал несколько пассов над ним, чтобы материя не разинтегрировалась впоследствии, и передал мне. С тех пор, прибавил полковник, — я всю жизнь посвятил служению им и в течение семилетних сношений с ними (этот разговор происходил шесть лет тому назад) бесспорно убедился, что достижение высшей власти над своими земными узами, равно как познание и господство над некоторыми таинственными силами природы, — лежат более или менее в воле каждого смертного! Надо только иметь твердую решимость и много силы воли, и тогда вам откроются такие тайны бытия, овладев которыми человек делается действительно царем природы.

Всё это говорилось просто, спокойно, с сознанием правоты и убеждения. Полковник так глубоко верит сам истине своих показаний, что у него даже не является мысли, что другие ему не поверят, пожалуй его заподозрят в шарлатанстве... Надо видеть это красивое, честное, умное лицо, обрамленное длинною седою бородой, надо узнать лично этого энергического и симпатичного человека, чтобы понять, как трудно ему не верить, как *невозможно* предположить, чтоб он говорил неправду!

Чтоб ж!.. Как знать чего не знаешь?.. Что если бы сто лет тому назад сказали, что мы в России услышим арию, пропетую в Париже? Или будем переговариваться с друзьями "по проволочке" из-за десятков и сотен верст... А то, еще проще, будем получать в несколько секунд известие из-за тысяч верст?.. Недаром же такие ученые, как профессор Kammond (в сочин. его "Сумашествие") предполагает, что через несколько сотен лет "последующие поколения устыдятся своих предков в том, что они (то есть мы) *могли сомневаться в возможности человеку одновременно находиться в двух местах*", на каком бы расстоянии эти пункты ни находились... Несколько последних десятков лет показали нам осуществление стольких чудес, которые наши деды считали волшебными невозможностями, что отрицать что-либо, пожалуй, страшно?.. Как бы ни уподобиться тому индийскому радже, который приказал отрубить голову своему подданному, побывавшему в Северной Европе и уверявшему его, что там полгода люди ездят и ходят пешком по воде, потому что она *каменеет*.

Ни на минуту не усомнилась бы я в измышлении этих удивительных созданий, одаренных какими-то нечеловеческими атрибутами, если бы не последующие свидания и долгие беседы с сестрой и даже явные доказательства *чего-то*... "не снившегося нашим мудрецам"... Каких-то могущественных вмешательств и помощи. Я о них упомяну ниже, но теперь приведу отрывок из одного из её писем из Америки, в котором особенно ярко рисует она свое настроение:

"Ну, Вера, верь мне или не верь, но со мною творятся волшебства! Ты не можешь представить, в каком очарованном мире картин и видений я живу!.. Пишу "Изиду", — не пишу, скорее списываю и рисую то, что *она сама* мне показывает. Ну право же мне кажется, что сама древняя красавица-богиня водит меня за собой по всем тем странам прошедших веков, которые я должна описать. Я сижу с открытыми глазами; всё, кажется, вижу и слышу вокруг настоящее, действительное, но вместе с тем вижу и слышу *то, что пишу*. У меня дыхание захватывает! Я боюсь шевельнуться, чтобы не нарушить очарования... Медленно выплывают и проходят предо мною, как в волшебной панораме, века за веками, образы за образами, а я их мысленно соединяю, складывая в уме своем эпохи и года, и *верно* знаю, что ошибки *быть не может*. Расы и нации, страны и города, давно исчезнувшие во мраке доисторического прошлого, выясняются, исчезают, давая место другим и тогда мне называют последовательные годы. Седая древность заменяется историческими периодами; мифы мне объясняют событиями и лицами действительно существовавшими; и всякое сколько-нибудь замечательное событие, — каждый перевернутый лист этой расцвеченной книги жизни запечатлевается в мозгу моем с фотографическою верностью. Мои соображения и выкладки мне представляются потом как те отдельные цветные кусочки разных форм, в игре называемой *casse-tête*. Я тоже собираю и подбираю их один к одному,

и в конце всегда выходит нечто геометрически верное... Уж разумеется не я это делаю, а мое *ego*, высший принцип, живущий во мне; да и то с помощью моего *Гуру* — учителя, который во всём мне помогает. Если я забываю что-либо, мне стоит мысленно обратиться к нему или другому такому же, как он, и перед моими глазами вновь возникает забытое, иногда проходят таблицы чисел, длинные списки событий. *Они* всё помнят! *Всё знают*... Без них — откуда бы взялись мои знания?"

В начале войны я очень боялась за моего сына, который был в карсском отряде вольноопределяющимся. Елена Петровна постоянно меня успокаивала *утверждая*, что она знает, что ей *сказали*, что он возвратится здоров и невредим. Тогда же она писала мне о своем приятеле князе Эмиле Витгенштейне, которому *шиишморы*, — как она по-русски называла те силы (по-английски известные под названием "shells and spooks"), что стучат в столы и появляются на сеансах спиритизма, — "предсказали, что он не выйдет благополучно из войны. Витгенштейн, писала она, пишет мне и спрашивает, что я об этом думаю?.. А, я чтоо могу думать?.. Я спросила *хозяина*, прося ответить. Он засмеялся и говорит: "вашего знакомого не только не убьют, но *он даже не будет ни в одном сколько-нибудь серьёзном деле*". Я ему так и написала"...

Так оно и было. По окончании войны он писал Е.П. Блаватской, что ему даже досадно, что определение её так верно исполнилось: ему не удалось ни разу иметь случая отличиться, подвергаясь малейшей опасности... В журнале "Spiritualist" помещено его письмо из Веверы, от 18 июня 1878 г., где он подробно описывает всё дело — предсказание *спиритов*, опровержение его *спиритуалистами* и вполне сбывшееся определение последних, и подписывает письмо полным именем: "князь Эмил Витгенштейн, F.T.S." (*член Теософического Общества*). Письмо это полностью перепечатано к книге Синнета о жизни Е.П. Блаватской, на стр. 209–211.

VII

Незадолго до последней болезни своей Е. П. Блаватская начала было писать для русских журналов статью под заглавием: "Теософическое Общество — сказка-быль XIX века" посвятив её "отечественным скептикам". К сожалению, там всего начало вступления, но и в этих нескольких страничках много интересных мыслей и фактов. Доказывая, что нынче часто убеждаешься в том, что "иной раз истина невероятнее вымысла", она, между прочим, говорит:

"Ведь общественное мнение в России, как и везде, калейдоскоп, в котором комбинации фигур меняются непрерывно, по воле рук, в которых он находится. Говоря иными словами, представления об умном и глупом, вероятном и невероятном, возможном и невозможном, зависят от нескольких коноводов науки и моды, которые вертят этим мнением, как флюгером... То, во что мы верили вчера, — сегодня вышло из веры, потому что ветер подул с другой стороны. Не первосвященники ли науки в средних веках учили всему тому, что ныне их преемники отрицают? Не верим ли мы тому, над чем наши деды смеялись?..

Астрология, магия, алхимия—заброшены пока на чердаки; а электричество, сила паров, система кровообращения, — всё, что еще так недавно слыло безумными фантазиями — возведены на почетные места в академиях. С другой стороны, многому, преданному посмеянию и остракизму лет 50 тому назад, снова гостеприимно открываются двери ученых собраний: господа академики уже не смеют так презрительно отворачивать свои просвещенные носы от прокаженных *месмеризмов* и *магнетизмов*, процветающих под маскарадными кличками *гипнотизма* и *внушений*... Бывало, учёные, — до многострадального Галилея, — зрели в земном шаре плоский блин в центре мира; не взирая на то, что за две тысячи лет до Коперника древний Пифагор уже преподавал гелиоцентрическое учение. Это не мешало ученым позднейших веков верить аллегориям индусов, представлявших Землю лежащую на четырех слонах; а тех стоящими на черепахе, которая виляет хвостиком в пустоте мирового пространства.

Теперь только наши мудрецы открыли шарообразную форму нашей планеты и тот обидный факт, что она — ничтожный шарик среди миллиардов почище её планет!

Тогда — люди мнили в себе земных богов, для коих сотворен космос; а теперь наука убедила нас, что мы, увы! не более, как родичи бесхвостной макашки и происходили, вместе с нашими убогими *кузенами*, от одного прародителя — Адама с хвостом... впрочем еще не открытого антиквариями.

Давно ли, кажется, — ведь только еще вчера, по авторитетному утверждению Геккеля и друга его Гёксли, — у корня родословного древа людского рода восседал *монерон* — пустынный океана, — *желеобразный студень*, в котором дарвинисты зрели *альфу* плоти всего живущего на земле *омегой* коего являлся человек. Этот кусочек киселя, выуженный Гёксли из морских пучин, назван им в честь его германского коллеги — Bathibius Haeckelii — и дарвинисты зело хвалились своим великим открытием. Один из них, Романес, еще недавно мне хвастался: "Эврика! открыто настоящее семя рода человеческого!..." И что же? Сегодня сей кандидат в людского прапрадедушку, под строгим химическим исследованием, превратился, родимый, в щепочку вещества даже неорганического, а просто в осадок серно-кислой известковой соли... Вот вам и прародитель!.. И вновь осиротело бедное человечество... Один-то всего был у него дозволенный академическою цензурой предок, да и тот сгинул, — из Адамова папаши превратился в миниатюру Лотовой жены...

И за дело: не суйся на первое место по вызову британских да немецких профессоров!.. Но, однако, кому же верить?..

Не теософам же, родившимся, возросшим и окрепшим по мановению магического жезла их вызвавшей к жизни Радды-Бай?!"* — восклицает сама эта чудотворица в предисловии к своей "Сказке-были".

* Псевдоним, под которым Елена Петровна Блаватская известна в России.

Да! Все эти перемены убеждений происходят, по уверению Радды-Бай, вследствие круговерчения Земли: "Наша Земля, — говорит она, — крутится, а с нею вместе вертятся и мозги человеческие"... Вот, разгадайте-ка эту задачу, — обращается она с вопросом к своим родичам и критикам мало известного в России теософического движения: разгадайте, друзья, как могла женщина весьма обыкновенная, дотоле совершенно неизвестная в Америке, да и нигде, — русская, да к тому же еще в летах преклонных, субъект без кола и двора, без связей, как и без денег, вдруг задумать, взять да и совершить мировое движение?... 7 октября 1875 года кликнула она клич; а ноября 17 того же года,* то есть ровно через пять недель уже открывались заседания и деятельность Теософического Общества из нескольких сот человек в Америке, и образовывалась первая европейская ветвь его, в Лондоне, из семидесяти трех человек. И покатила с той поры лавина, под простым прикосновением моей руки!.. Обкатила она весь земной шар и ныне всё катится, увеличиваясь не по дням, а по часам... Не разбить и не задержать этой лавины ни клеветам никаких психических обществ, ни насмешкам людским, ни преследованиям!.. В чем именно наша *сила*?.. Вот этой *загадки* не вырубить топором самой лютой критике и не замести её следов помелом людского равнодушия, игнорирования и неверия... Как же не верить тому, что у всех на глазах?.. Что колет глаза массам недоброжелателей, — материалистам и ханжам, псевдоучёным психистам и спиритам, равно ненавидящим нас. Нельзя отрицать существование 170 (теперь гораздо больше) *лож*, — ветвей нашего общества, раскинутых по всему свету — в Индии, Австрии, в обеих Америках, в Африке, на Океанских островах, в Японии и Яве, и наконец почти во всех странах Европы. В одних сформированных *ложах* более 14000 человек; а всех разбросанных по лицу земли членов-теософов с дипломами наберется до 50000 человек..."

* Цифра 7 во мнении теософов самая счастливая из всех. Они её (и *отчасти* 9) всегда и во всём придерживались и держатся. До такой степени, что когда оказалось невозможным перечислить № их нынешней главной квартиры в Лондоне, Елена Петровна, переходя в неё (с 17 № по Lansdown Road на 19 № Avenue Road), сказала: "Отсюда вы меня вынесете, — я здесь умру. Отсутствие цифры 7 в том верный знак".

По статистическим сведениям теософических журналов теперь более шестидесяти тысяч членов дипломированных. Движение чрезвычайно усилилось в последнее время, в особенности после смерти Е.П. Блаватской. Несколько новых деятельных центров, *лож*, открыто в Америке и Англии. "Сказку-быль" о своем деле Радда-Бай задумала писать ради верного о нем извещения "русской публики, смешивавшей доньне", как она думала, "в представлениях своих теософов не то со спиритами Аллана Кардека, не то с прыгающими пророками Ваала и чернокнижниками"... Весьма печально, что она его не докончила и не рассказала нам сама, как собиралась, — "в чём именно состоит сила теософии" и "как мало *феномены*", столько осмеянные и воздвигнувшие на общество и в особенности на неё самую такие гонения, "могли способствовать росту её учения"...

"Они, напротив, могли бы повредить ему *если бы что-либо "в мире могло повредить тому, чему пробил его предназначенный час!"* — подчеркивает она своё заключение, убежденно заявляя, что в теософии вечная истина, что безо всяких

феноменов, в проявлении которых она век свой клялась, в философии, которой она учит, — великая сила: *сила правды!*

Не более как через два года по прибытии в Америку возникла мысль нового переселения. Как только Радда-Бай, по характерному её выражению, "кликнула клич", так стали вокруг неё собираться жаждавшие и алкавшие отвлеченных знаний и пищи духовной, без спиритических бредней и медиумических волхований — (вначале Теософическое Общество даже прозвали *société des malcontents du spiritisme*; а впоследствии, в Индии, их наградили прозвищем общество ориенталистов plus-филантропов). И тотчас большинством их, с президентом во главе, почувствовалось влечение к тем странам, где не переводились феномены, где жили и процветали учёные, глубоко изведавшие все тайны природы и все силы духа человеческого, не заражаясь материализмом от естественных наук или духопоклонением от психических знаний. Потянуло их на дальний Восток; туда, где "великий учитель древней Индии", основатель величайшей философии её Патанджали учредил свою мистическую *школу йогов*; где многие тысячелетия тайные знания передаются радж-йогами (великими мудрецами) своим *челам* (ученикам), анахоретам Бхадринатских горных пещер и других им подобных заоблачных высот, где скрываются в вечном созерцании, никогда там не переводившиеся маги — махатмы. Потянуло их в ламасерии (монастыри), к изучению "премудрых Вед", к царству буддизма, одним словом, к которому многие теософы примкнули по примеру своего главы.

Помимо их "учителей", этих полумифов, у многих американских теософов были сношения с Индией и Цейлоном. Некоторые из них сами там бывали; другие были присяжные санскритисты, поклонники философий индусов. Полковник сам состоял в деятельной переписке с выдававшимся в то время индусским ученым патриотом и пророком ведантистом, с Даянандом Сарасвати, которого народ прозвал "свами" — святым, англо-индийцы — Лютером Индии.* Этот *пандит* (ученый), великий санскритолог и лингвист тоже до зрелых лет скрывался, поучаясь в одной из ламасерий, и вдруг проявился, проповедуя единобожие, "по первобытному, чистому учению Вед, этих священных книг, заветов Будды", которых смысл был в течение веков до того искажен жрецами-браминами, проповедниками монотеизма, что они почти утратили свое значение.

* Подробности об этом интересном человеке можно найти в книге Е.П. Блаватской "Из пещер и дебрей Индостана". Радда-Бай.

Еще до выезда из Нью-Йорка Е.П. Блаватская писала мне, что их теософическое братство "в сущности есть только ветвь братства *Арья-Самадж*, возникшего в Ост-Индии, по инициативе проповедника Веданты, Свами Даянанда Сарасвати, которому она вполне подчинена"... В 1877 году явился проект изучать Веды и прочие индусские премудрости на месте, под руководством Даянанда; а для успешнейшего изучения "сокровищ арийской литературы", которой распространение было одною из трех главных задач Теософического Общества и прежде всего для лучшего ознакомления с санскритским языком, — ехать основателям и главным деятелям его в Индию.

Сказано — сделано!

"В ноябре 1878 года "Н.Р.В.", покончив дело с издателем своей книги "Isis Unveiled", рассказывает президент Нью-Йоркского Теософического Общества, сказала мне, подписав контракт: — "теперь прощайте! *Мне надо ехать в Индию...*" Пусть эта книга служит к преуспеянию целей, для которых основано наше Братство"... В том же месяце она оставила Америку, но продолжала в Индии и всюду работать для общества и более всех помогать его распространению повсеместно..."

Никто не может лучше описать её приезда в Бомбей (в феврале 1878), её интереснейших передвижений и приключений в Индии и поселения в прелестном уголке — Адьяре, возле Мадраса, как описала она их сама, в "Письмах на Родину" в "Пещерах и Дебрях Индостана", в "Дурбаре в Лагоре" и в "Загадочных племенах Голубых Гор"... Желаящим легко перечитать эти оригинальные, талантливые рассказы, полные знаний, юмора, свежести и силы описаний, которым подобных в русской литературе немного.

Впоследствии сторонним людям, да и самим деятелям теософического движения выяснились многие их ошибки, сильно вредившие их репутации и первоначальному распространению учения в тех средах, которые быть может дали бы Блаватской менее восторженных поклонников, но лучше бы упрочили её дело, в особенности в Англо-Индии. Первою ошибкой было злоупотребление "чудесами" и волшебным соучастием махатм; о них говорилось и писалось вкривь и вкось, а показать первых и доказать существование вторых всему миру было невозможно, а потому естественно, что многие, даже готовые следовать собственно доктринам теософии, им не верили и отступались от неё; громадное же большинство общества и прессы кричало, что это шарлатанство, обман, насмешка над легковерием людским и всё дело подымало на смех.

Репутация Олькотта и в особенности Блаватской их опережала. Первый был свой человек, англичанин, да к тому же *не он* творил феномены (по мнению большинства "делал фокусы и обманные шарлатанства!"). Он только претендовал на излечение многих недугов человеческих магнетическими пассажами. Ну магнетизму-то кто ж в Англии не верил?.. Понятно, что как в Америке, так и в Индии президент общества внушал более симпатии и доверия, чем его основательница, тем более, что и по наружности, и по обходительным манерам он был представительнее и гораздо приятнее своей отставшей от света наставницы и сотоварища.

Тут ею сделана вторичная, впрочем, совместная с председателем их дела, крупная ошибка: они сразу поставили себя в неприязненные отношения с властями и английским обществом. На сей раз вся вина лежала на Олькотте: он должен был противодействовать её предубеждениям, вдвойне опасным для неё, как для русской, да еще имевшей литературные сношения со своею отечественною прессой, известною патриоткой; а он, как американец, сам не любя британских властей, да к тому же глубокий филантроп, всегда сочувствовавший интересам угнетаемых рас, — неграм и темнокожим племенам, напротив, подстрекал её исключительно держаться туземного населения, первый утверждая в ней

убеждение в жестокости, чванстве и несправедливости англичан. Их горячая защита народных прав и интересов, их дружеские сношения исключительно с туземцами, без сомнения, расположили к ним местных влиятельных лиц и позволили в течение пяти–шестилетнего пребывания в Индии узнать её так, как другие не узнают в продолжение десятков лет настоящей жизни коренных её жителей. Елена Петровна ни на йоту не была повинна в политических замыслах; но действовала она так, что возбудила в них подозрение и не только простые нарекания, но серьёзное недоверие властей. За ними был учрежден полицейский надзор, что окончательно испортило отношение их к администрации. Оно, конечно, было со стороны властей глупо: какие же заговорщики, "шпионы на жаловании у русского правительства", как называли там Е.П. Блаватскую, вели бы себя так откровенно, будто нарочно вызывая недружелюбие англичан?... Надзор, положим, скоро сняли; но не прежде, чем Елена Петровна, никогда не останавливавшаяся за метким словом, успела окончательно рассердить полицейские власти своими над ними громкими насмешками... Бедный полицейский, обязанный следить за её прогулками в кварталы старого города в Бомбее, терпел горькую долю! Она не давала ему покоя, требуя, чтоб он осматривал всё, что она покупала; слушал чтение писем, в которых потешались над его начальством, и оплакивала его горькую необходимость изображать из себя "дурака и осла", преследуя по пятам "старую бабу, которая годилась бы ему в бабушки, если бы могли у неё быть внуки на такой *подлой* службе!"...

Письма её того времени пылали негодованием и были переполнены рассказами самых невероятных жестокостей и глупостей англичан в Индии.

VIII

С течением времени, однако, недоразумения и враждебные чувства улеглись, и правительство и общество поняли свои заблуждения; но всё же отношения последнего к представителям нового "гуманитарного братства ориенталистов-спиритуалистов", как их называли, не особенно поправились. Предубеждение оставалось в силе даже тогда, когда *единицы* из среды служащих и в англо-индийской прессе начали обращаться в прозелитов и в восторженных друзей Блаватской.

Бывший издатель в Бомбее газеты "The Pioneer" A.P. Sinnett и жена его, полковник англо-индийской службы Гордон с женой и еще двое-трое людей из британского общества были первыми их знакомыми и остались неизменными друзьями Елены Петровны в Англии до последней минуты. Все они печатно рассказывают с полным единодушием о печалях, оскорблениях и наветах, которым она подвергалась в стране "куда приехала с самыми благими целями нравственно-отвлеченного характера" и где её то выдавали за шпиона и агента *русской политики захвата* (?!), нечто вроде *agent provocateur* туземного населения против правительства императрицы Виктории; то, успокоенные насчет этого из Лондона и Петербурга свыше, провозглашали самозванкой — "служанкой настоящей г-жи Блаватской", будто бы умершей по дороге из Европы; "обманщицей, и пьяницей, и воровкой, приехавшей переодетою в павлиньи перья" с тем, чтобы дурачить всё

население. Когда и эти выдумки были опровергнуты рядом её блестящих статей в местных журналах, высшее общество всё же не уgomонилось, в особенности подстрекаемое католическими и протестантскими миссионерами, против "кошунственной пропаганды теософического учения".

В декабре 1879 г. Е.П. Блаватская поехала провести холодный сезон в гостях у мистера и миссис Синнет в Аллахабаде, и там-то и произошел тот новый ряд феноменов, рассказами о которых Синнет наполнил целую книгу: "The Occult World". Рассказывать о них я не буду, дав достаточный им образчик в менее известных рассказах Джёджа и Олькотта об её нью-йоркских чудесах. Скажу лишь, что они в Аллахабаде были разнообразнее и, если возможно, еще замечательнее тем, что подвергались тщательному контролю хозяина дома и многочисленных гостей его, которые впоследствии засвидетельствовали их подлинность.

Вот несколько извлечений из статьи м-с Гордон "Воспоминания о М-me Blavatsky".

... "Восточные философии теперь справедливо заняли главное место в занятиях Теософического Общества и всеконечно имя Блаватской перейдет к потомству, как надлежит ему по праву, лучшей в свете и главной распространительницы этих доктрин; но в те времена, я должна сознаться, — нас привлекали к ней её чудотворения несравненно более, чем учение и философия. Но я обязана заявить вместе с тем, что она всегда осуждала стремление окружавших её к *знаменьям* и презрительно называла свои феномены "психологическими фокусами". Тем не менее, наши просьбы, а может быть отчасти и собственное желание её доказать свое чудесное могущество, подвигали её показывать нам часто эти необъяснимые никаким искусством *фокусы*, хотя в то же время она нас убеждала, что они ровно ничего не стоят в сравнении с знаниями, лежащими за ними... Всё происходившее во время раннего знакомства нашего с "Н.Р.В." описано верно и последовательно мистером Синнетом; я себя только чувствую обязанною, в виду клевет, которые рушились на нее при жизни и после смерти, заявить, что *всё, что я видела и слышала вокруг неё, ни на секунду не могло возбуждать ни самоналейшего сомнения*. Я также обязана заявить, что хотя она была самою умною женщиной, какую довелось мне знать, но, по убеждению моему, она самою природой так была создана, что систематичный обман для неё был немислим. В ней не было ни достаточно хитрости, ни власти над собой, необходимых для скрытности, а тем более для составления преднамеренных обманов. Она всегда жила до такой степени просто, открыто и на распашку со своими многочисленными друзьями, что для нас, часто живших под одним кровом с этою женщиной, столько терпевшей от злорадных клевет, лжи на нее возводимой — просто нелепы!.."

М-с Алиса Гордон, восхваляя горячо великодушные и доброту Елены Петровны, с удивлением останавливается на её слишком большой готовности всем доверять, всех считать друзьями и честными людьми; на её изумительном (при таких способностях ясновидения, которыми она обладала) неумении распознавать людей, и выражает предположение, что вследствие своего усиленного благожелания ко всем она допускала к себе даже тех, которых втайне считала не совсем достойными того, в чаянии повлиять на них доверием и добротой... Когда

эти недостойные потом обращались против неё же, стараясь повредить ей, она так глубоко и горько чувствовала эти оскорбления, что нам было больно за нее... Сколько раз, говорит м-с Гордон, я старалась повлиять на нее, чтоб успокоить и заставить смотреть равнодушнее на неблагодарность и клеветы людей, её совсем не знавших; но дело в том, что она ими трогалась не столько за себя, как за вред, который они могли нанести её *делу*, для которого она так работала, как никто никогда не работал на мой взгляд!.. Нельзя было не изумляться её безустанной энергии! Совсем больная, изнемогая от страданий, она шла к своему столу и писала, и работала... Мы, знающие, что за удивительная женщина она была, как глубока философия, которую она возродила к свету, знаем также, что придет день, когда и весь мир вместе с нами её признает великою женщиной!"...

Так заканчивает м-с Гордон свое слово в память двенадцать лет ей близко знакомой Е. П. Блаватской.

Синнет, описывая первое знакомство свое с ней, тоже говорит о сильном предубеждении всех их аллахабадских друзей против женщины, которая сама себя описывала в письмах к нему (он ранее личного знакомства с ней был в переписке по-своему издательскому делу) "старым, грубым *гипнопотамом*, непригодным для цивилизованного общества"... "Но мы не нашли в ней ничего такого страшного, — рассказывает он далее: хотя мы все очень смеялись, когда полковник Олькотт объявил во всеуслышание, что "Madame is under great self restraint so far" (сильно сдерживается)... Мы совсем этого не замечали!.. Сознаваясь, что англо-индийское общество очень натянуто и подвержено формалистике еще больше, чем в Англии; что поэтому ему трудно было примириться с таким вопиющим исключением из общего уровня цивилизованных женщин, которым доступны их гостинные, Синнет всё же заявляет, что, помимо интереса научного и таинственно феноменального в общении с Е.П. Блаватской, к ней скоро все её узнававшие бывали привлекаемы её блестящим остроумием и добродушным юмором, оживлявшим самое чопорное и скучное собрание. Вскоре все, кто были достаточно развиты, чтоб оценить её достоинства, из предубежденных недругов обратились если не в последователей её учения, то в личных её благожелателей, громко восторгавшихся её блестящими дарованиями. Всем "сколько-нибудь дальнзорким и понимающим людям", по свидетельству Синнета, становилось ясно, что её невнимание ко всем условиям света, её резкость в словах и непритязательная простота в обращении, совсем не были следствием незнания светских требований и непривычки к ним, а скорее наоборот: вследствие решительного к ним отвращения и пренебрежения ими. В сложной её натуре и в характере, способном являть самые противоположные разносторонности, было, без сомнения, много загадочного... "Как могла она при таком необыкновенном философском уме и таком глубоком духовном развитии быть такою неразумно-впечатлительною, вспыльчивою, несдержанною и чувствительною к самым мелочным неудовольствиям, — для нас было долго непроницаемою загадкой", — дивится Синнет, находя разрешение своих недоумений в каких-то (для нашего простого разума совсем непонятных) "*психологических законах*, которым, при таких условиях, в какие была поставлена она, неизбежно подвержены посвященные в мистерии оккультизма"... Какие это "любопытные психологические законы"? Он не объясняет... * Очень мало объясняет и дальнейшее его указание, что "никто не мог постигнуть Блаватскую,

кто не изучал её руководствуясь светом гипотезы *что она была лишь видимым агентом высших и неведомых оккультных сил*" ...

* "Incidents in the life of M-me B." *Established in India*, стр. 225 и далее.

"...Раз признав в ней легкомысленное и далеко не совершенное, хотя вполне верное, преданное делу и блестяще одаренное орудие тайных властей, представительницу оккультистов, стоящих за ней во всеоружии знаний и силы, производящих с её помощью опыты над духовными индукциями мира, в котором она вращалась, — загадка разрешена! Видимые несостоятельности, противоречия её поступков и характера объяснены, и её собственные достоинства оценены по заслугам"...

Очевидно английский биограф Е.П. Блаватской увлекается своею верой в могущество *Учителей*, воздавая ей честь лишь за отрицательную заслугу, что она привлекла их благоволение, была способна воспринимать их внушения и творить их волю с достодождною преданностью делу. Но для *не* теософистов, для обыкновенных смертных, не имеющих оснований даже верить в существование этих великих наставников, тайных основателей теософизма, это объяснение весьма несостоятельное и у большинства лишь вызовет улыбку.

Как бы то ни было, ни Синнет и никто из знакомых с тем, как шли дела в первые годы в Индии, не отымет у Е.П. Блаватской прямой заслуги её заработков на нужды общества. Он сам (равно как и Олькотт) сознаёт, что учредителям Теософического Общества положительно нечем было бы питаться, если бы не её неустанная работа. "M-me Blavatsky с утра до ночи сидела у письменного стола *рабствуя* (slaving) над своими статьями, говорит Синнет. Её *русские* корреспонденции, которые она писала с единою целью небольших выручек, доставлявшихся ими, гораздо более, чем какие-либо другие доходы членов общества, поддерживали движение и содержали *главную квартиру* их"...

Мало того, что она всех кормила сторонними статьями, но в первые же месяцы своего пребывания в Бомбее Е.П. Блаватская начала издавать "Теософист", ежемесячный журнал, посвященный изучению оккультизма и психологии. Знатоки довольно скоро оценили действительные заслуги его. "Теософист" приобрел быстро популярность; в следующем же году он уж приносил маленький доход, а года через три стал почти главным источником доходов, на которые и поныне поддерживается дело в Индии. Пока основательница общества неустанно писала, его президент ездил по краю, читая лекции о теософии, всюду проповедуя учение её и пропагандируя между туземцами нравственное пробуждение Индии, возрождение её литературы и древних верований во всей первобытной их чистоте. Они очень скоро отделились от своего прежнего приятеля и соумышленника во многих отношениях — от пандита Даянанда Сарасвати. Этот ученый и энергический реформатор, оказалось, ошибся в них, как и они в нем: ярый буддист, он был уверен, что все члены нового общества, которое он считал лишь отпрыском своего *Арья Самадж* (Братства Ариан), такие же как сам он убежденные поклонники Будды и что все они едут в Индию принять его главенство и во всем ему подчиняться, как духовному отцу и единому господину

дела. Узнав, что одним из главных правил Теософического Общества невмешательство в совесть ближнего, взаимное уважение всех верований и некасательство религии и политики, он ужаснулся такой терпимости, как худшей из ересей, и не только отшатнулся от теософистов, но решительно примкнул к сонму их противников. Пришлось им действовать самостоятельно и поплатиться многими неприятностями за недоразумение. Впрочем, буддистский свами не много успел повредить им: он скоро умер; а искренний и ревностный буддизм полковника Олькотта скоро приобрел ему много сторонников в числе прежних последователей Сарасвати и рьяного друга в лице самого Сумангалы, — папы буддизма, главного их первосвященника на острове Цейлоне, куда они ездили зимой с 1880 на 1881 год.

* Буддизм президента общества ввел Даянанда в заблуждение. Олькотт действительно его единоведец и такой глубокий знаток буддизма, что написал Буддистский Катихизис, одобренный их духовенством для школ. (В этом абзаце у Желиховской ошибка — Даянанд был реформатором индуизма, и именно буддизм Блаватской и Олькотта вызвал его неудовольствие — прим. ред. сайта "Теософия в России")

Хотя внешние обряды и многие верования индусов и буддистов совсем несходны, даже враждебны (благодаря суевериям, вкравшимся в господствующую в Индии религию, извращенную браминами, утверждают последние), однако же их основания и эзотерическое учение (для посвященных в тайный смысл их) тождественны. Задача теософов-буддистов клонится в Индии к тому же отвержению многобожия и признанию единого, отвлеченного Божества, к которому стремился и Даянанд Сарасвати. Олькотт и Блаватская были приняты сингалезцами с великим почетом и радостью. Их чествовали на Цейлоне народными празднествами, почетными встречами духовенства; жрецы в честь их назначали экстраординарные служения и водили показывать *зуб Будды* и всякие другие священные предметы в своих храмах, куда никогда не проникали европейцы. Письма, которые оттуда писала Елена Петровна, были переполнены оригинальными сценами, описаниями местных картин и нравов, и дышали живым интересом. Её очевидно забавляло демонстративное поклонение, которого она была предметом, и занимала необычайная обстановка, тропическая природа и все цветистые подробности их пребывания в Коломбо, Канди и других местностях.

IX

Вернувшись в Бомбей, они снова поселились в своем *бенглоу*, в туземной части города в старых его кварталах, где никогда не живут европейцы. Head Quarters (главная квартира), как Е.П. Блаватская и Олькотт громко называли нескольких своих прямых помощников, с намерением избрала своею резиденцией этот пункт, пользовавшийся весьма нехорошею репутацией. Живописный, открытый всем ветрам домик их стоял на верхушке пригорка, и хотя красиво тонул весь в вьющихся розах и зелени, однако носил непривлекательное название *Вороньего гнезда* и несколько лет пустовал... О нем ходила дурная слава: на холме водилось

много змей и ядовитых пресмыкающихся, но в самом бенглоу еще хуже того — прогуливались привидения...

Теософы первых не боялись, а вторых презирали; а потому поселились в "Crow's Nest", пользуясь тем, что его отдали дешево. Тут их постоянно окружали туземцы, жаждавшие возрождения "старой Индии", и шла кипучая работа...

В этом домишке на курьих ножках Радда-Бай писала свои "Письма на родину из пещер и дебрей Индостана" и чуть ли не половину статей в каждом месячном номере "Теософиста". Отсюда же этот индийский орган заморских язычников, издаваемый русскою отщепенкой, вышел весь в траурной обложке раннею весной 1881 года и разразился несколькими громоносными, отчаянными статьями по поводу ужасов 1 марта, горя и страха его издательницы за свое далекое, покинутое, но не забытое отечество!.. Этот траур и статьи вновь заставили властей нахмуриться и вновь привлекли на Елену Петровну недоброжелательное, подозрительное внимание.

В том же году они много путешествовали по краю (эти передвижения все были описаны в "Русском Вестнике") и вновь провели несколько времени под гостеприимным кровом Синнетов, в Симле. В это посещение гораздо менее было обращено внимания на забавы феноменами, чем на серьезные занятия... После этого посещения Синнет пишет, что его знания настолько подвинулись, что, возвратившись в Аллахабад, он приступил к своему первому оккультическому сочинению ("Esoteric Buddhism"), которое положило основание его известности как писателя и знатока оккультизма.

В это время, осенью 1882 года, Е.П. Блаватская серьезно заболела и произошло с нею замечательное происшествие, которого вполне ясно и последовательно она никогда не хотела, думается мне, даже — *не могла*, описать ни биографу своему Синнету, ни своим родным. В письмах её ко мне произошел довольно продолжительный перерыв, после которого я получила несколько строк из Дарджелинга, из Северной Индии, в которых она извещала, что едва не умерла; что её достоверно уж не было бы в живых, если бы не чудотворное вмешательство её *хозяина*, Махатмы Мория, который её "взял к себе, в свои горы" и там "несколькими пассами вернул к жизни", когда она "уж была почти трупом", и в несколько дней её поставил на ноги. Впоследствии я много раз её расспрашивала об этом таинственном эпизоде её жизни в Индии: как очутилась она, в бесчувствии и беспмятстве, в каких-то неприступных, совершенно непроездных горах, на границе Гималаев? Кто её повез туда? Как и где пробыла она время своего выздоровления и как снова очутилась в местах обитаемых?.. Она всегда отвечала, что не может всего припомнить, что ей не позволено всего рассказывать... Как бы то ни было тогда или ранее, достоверно, что она бывала и в Лассах, столице Тибета, и в главном его религиозном центре Шигадзе, где живет среди нескольких сот лам Тешулама, духовный глава буддистов, которого они считают реинкарнацией Будды, и на Каракорумских горах в Куэнлуне. Её живые о них рассказы много раз мне это доказывали... Она всегда говорила, что те двое махатм, которых она лично знает, очень разнятся по характерам и образу жизни. Что махатма Кут-Хуми гораздо доступнее; живет с сестрой своей и с племянником в Куэнлуне; а махатма Мория, собственно её гуру (учитель), постоянного жилища

не имеет; гораздо серьезнее и строже и в вечных передвижениях, находясь там, где в данную минуту он нужнее. Первый иногда просто разговаривает и даже смеется; второй — никогда! Редко даже говорит... Он старше Кут-Хуми (на портретах оба они далеко не старые, красавцы, каких в свете немного. Кут-Хуми светлее, с чудными голубыми глазами, а Мория сильный брюнет с глубокими, пронизательными черными глазами, с удивительно правильными и строгими чертами).

Пред своим исчезновением Елена Петровна писала Синнетам, прощаясь с ними, уверенная, что должна умереть. Бомбейские доктора признали в ней смертельную болезнь, расстройство почек, и печени, и сердца — всего организма, одним словом.

"... Кровь моя превратилась в воду, пишет она: просачивается наружу, образуя мешки *à la kangaroo*. Всё это мне доставил *primo*: бомбейский жар и сырость; а *secundo*: вечные мои раздражения, беспокойства и волнения. Я стала такая нервная, что легкая поступь босых ног Бабулы (её туземный слуга) производит сердцебиение. Я заставила Дёдле (доктора) признаться, что могу умереть в каждую секунду, от каждой тревоги; а без них могу протянуть год, два... Возможно ли это при моей жизни? Да у меня в день двадцать тревог, а не одна!.. Передаю всё дело учителям... М— (Блаватская и её последователи избегают произносить и писать полностью имена махатм) хочет, чтоб я ехала в конце сентября... Он прислал за мною с Нильгирийских гор своего *челу*, чтоб он меня доставил... Куда — я не знаю! Но вероятно куда-нибудь в Гималаи..."

Один восторженный кандидат на поступление в *челы*, некто Рамасвамия, уверенный, что основательница Теософического Общества отправляется на свидание с кем-либо из самых высших адептов, пытался за нею следовать и поместил в "Теософисте" (декабря 1882 г.) очень интересное письмо, повествующее, как он и другие ярые теософы-буддисты гонялись за Е.П. Блаватской в чаянии догнать её и умолить взять их с собою.

В письме Рамасвамия заявляет, что, сидя за чтением в своей комнате в Тинневелли в сентябре месяце, он вдруг услышал голос своего "благословенного гуру", повелевавший ему оставить всё и ехать в Бомбей, дабы следовать за основательницей Теософического Общества, куда бы она ни двинулась. Он, разумеется, всё бросил, "ибо звуки этого голоса для слуха моего божественны и приказания непреложны", говорит он... В Бомбее он однако уж не застал Блаватской, но узнал, что она, очень больная, выехала по известному направлению со своим слугой и неизвестным в этих местах *челой*, явившимся за ней. Он, сам не зная куда именно направляется, взял долгосрочный билет в Калькутту, но в Аллахабаде услышал вновь хорошо знакомый голос, приказывавший ему направиться в Бергампор. Тут он неожиданно встретился в вагоне с другими бабу (дворянами землевладельцами), тоже членами Теософического Общества, как и он разыскивавшими Е.П. Блаватскую. Некоторые из них только что вернулись, проследив её до Динапура, но там потеряв её след... Они только знали, что она направлялась в Тибет и думали "броситься к ногам махатм, умоляя их позволить и им за нею следовать"... Тут они получили записку от неё, в которой она извещала их, что и сама вряд ли будет в Тибете, что её призывают лишь на границу

Сиккима, что она там, где-нибудь за Дарджелингом, свидится с *братьями*, но что им вероятно за нею следовать будет нельзя... Один из них, бабу Нобин, представитель местных теософов, этим не унялся, а отправился вместе с Рамасвамией в Чандернагор, и тут они страшно обрадовались, узнав, что Блаватская на станции, — сейчас трогается далее. Они бросились к вагонам, но были остановлены "высоким, очень *темным*, с длинными и густыми волосами, неизвестным им человеком, который остановил их сурово, назвавшись челою и заявив, что они опоздали, — что она уже виделась с махатмами и что он получил приказание её довести до следующей станции и там её оставить. Это очевидно была выдумка... Чела боялся без приказания взять их на свой страх, как они его о том ни упрашивали.

Однако двое из бенгальцев с Рамасвамией решили не слушаться сурового проводника г-жи Блаватской, не допускавшего их до неё. Зная, что через станцию оттуда будет остановка, на переправе через реку, они их там настигли вновь в ожидании другого поезда. Рамасвамия едва успел впрыгнуть в последний вагон поезда, где ему мелькнул проводник-чела, как вдруг, пишет он, "против всех правил *раньше времени* поезд дрогнул и полетел", оставив за собой его товарищей и слугу Елены Петровны и все её вещи "кроме шкатулки с бумагами и корреспонденцией общества, которую держал чела"... Ревностный преследователь Е.П. Блаватской успокоился было, думая, что достиг своей цели; но вероятно, его *гуру*, посылая его за ней, только хотел над ним пошутить, потому что сам он не знает как, но его последний вагон чем-то задержался, его *почему-то* отцепили, и бедный Рамасвамия достиг до Дарджелинга тогда, когда следы её и челы-проводжатога давно остыли...

Тут он опомнился и пришел к заключению, что все эти задержки и препятствия доказывают, что "M-me Blavatsky ехала именно на свидание с *благословенными братьями*, — но что им не было угодно, чтобы кто-либо за ней следил и видел их"... "Я достоверно узнал, заключает он свое сообщение, — что двоих махатм только что видели на британской территории и один из них признан носителем реликвий* при Тешуламе"...

* Е. П. Блаватская говорила мне не раз, что её гуру Мория высокое должностное лицо при Тешуламе в Тибете, — "чутукту" или *носитель святыни*.

Не знаю, сколько времени Е.П. Блаватская пробыла за границей британской Индии и где именно; но факт тот, что она возвратилась, на диво всем и смущение бомбейских докторов, сравнительно, совершенно здоровою и ревностнее, чем когда-либо, принялась за дело и свои письменные работы.

17 декабря того же года произошло переселение Блаватской, президента Теософического Общества и их "исполнительного совета" в Адьяр, приобретенное ими здание и землю возле Мадраса, их новую постоянную главную квартиру, где полковник Олькотт проживает и поныне. Это прелестное место с чудным видом на океан; дом с обширной террасой скрывается в тени разнообразных пальм; возле протекает живописная речка, которую Елена Петровна окрестила русским именем Адьярки. Здесь ей было несравненно удобнее и безопаснее от сырости и жара; она

жила во втором этаже не бенглоу на курьих ножках, недаром прозванного вороньим гнездом, но каменного дома, сухого и закрытого от непогод. Рядом с ним терраса и библиотека, светлая, тихая, прекрасная комната, где вечно где-нибудь в уголку торчал на корточках какой-нибудь индус или буддист, склонившись над санскритским фолиантом.

"Здесь мне чудо как хорошо! — писала она оттуда родным. — Какой здесь воздух! Какие ночи!.. И какая чудная тишина. Нет городского треску и уличных криков. Сажу себе, пишу и смотрю на океан, блестящий, безбрежный, словно живой — право! Мне часто кажется, что он дышит, что сердится, рычит и бьется в гнев!.. Зато, когда он тих и ласков, не может быть в мире красоты обаятельнее!.. Особенно в лунную ночь. Луна здесь на глубоком темно-синем небе кажется вдвое больше и вдесятеро блестящей вашего европейского перламутрового шарика"...

Накануне их отъезда из Бомбея в этот дом-виллу, приобретенную для них по подписке всех теософов, им дан был прощальный праздник, на котором был прочитан адрес, перепечатанный в нескольких газетах. В нем Бомбейское Теософическое Общество благодарило их за великую пользу, принесенную всему "народонаселению президентства и им в особенности ознакомлением их с родными учениями, религиями и философиями древней Индии, которых никто до них не популяризировал и не объяснял; за пробуждение в среде их гуманных интересов и добрых к ним чувств европейцев, помощью распространения своего "всемирного братства" и за борьбу их учения с равнодушием к вопросам духовным, с атеизмом и материализмом, нашедшими путь в высшие слои местного общества из европейских университетов, где воспитывается их молодежь.

"Вы по всей земле нашей проповедуете духовное развитие, воздержание и всеобщее братство! — гласил адрес. — Как действительна оказалась ваша всего четырехлетняя проповедь, доказало последнее общее собрание общества, где под знамена теософии собрались представители из Лагора и Симлы до Цейлона, из Калькутты до Катиявара, из Гуджерата до Аллахабада, — парсийцы, индусы, буддисты, европейцы, магометане и евреи и все единодушно провозглашали возрождение Индии..."

Такой союз и единство различных народностей, такое устранение всех предрассудков сект, каст и верований ради общей гармонии целого, такой великий национальный союз, одним словом, был необходим для нравственного воскрешения Индостана, и вы его нам дали!.. Ваши неподкупные, самоотреченные, гуманные труды обязывают нас чувствовать к вам величайшую благодарность, уважение и преданность" ... и т. д.

Надо отдать справедливость туземным последователям учения полковника Олькотта и Е.П. Блаватской; они не одними словами доказывали, что ценят неустанные труды их им на благо: приобретение Адьяра о том свидетельствует, как и многие доказательства их преданности впоследствии.

Не удалось однако Елене Петровне "спокойно дожить жизнь" в этом красивом и спокойном уголке на берегах Бенгальского залива, как она надеялась. Много еще предстояло ей путешествий, горестей и волнений в предназначенное прожить десятилетие... Но всё же она провела в Адьяре два года, воспоминание о которых, несмотря на то, что было сильно отравлено делом с Майерсом (психического лондонского общества), следствием, наряженным в отсутствие хозяев их заклятыми врагами, перевернувшими всё вверх дном в её комнатах и вещах, — всё же осталось ей дорого навсегда. Здесь, пока Елена Петровна гостила в Отакомунде, на даче генерала Моргана, произошел феномен, засвидетельствованный уж не присяжными сторонниками её чудес (Олькоттом, Синнетом или Джёджем), а хозяевами дома и другою их гостьей, г-жой Сарой Кармайкль,* по просьбе которой дать ей что-нибудь на память, Елена Петровна *сотворила* кольцо** из золота с сапфиром...

* Вероятно, эта миссис Sara Carmichael было лицо известное в среде индийского общества, жена какого-нибудь сановника в иерархии служащих.

** Это кольцо хорошо известно всем знавшим Е.П. Блаватскую, как и тот факт, что не раз она им излечивала страдания многих, особенно нервные, прикладывая его и делая им пассы.

Кольцо осталось у этой дамы и ныне у неё находится...

Я далеко не скептик, как думаю, ясно, всем, кто прочтет эту биографию, но я не могу не сознаться, что такого рода происшествия *должны были* возбуждать недоверие и мысль о подлогах...

Как было уже мною сказано, мы — близкие Е.П. Блаватской — видывали много её чудес, удивительных и оставшихся необъяснимыми фактами; но все они больше принадлежали к области ясновидения, несомненно ей самой присущего, и затем явлений, однородных с медиумическими, хотя для неё не нужно было никаких трансов, ни даже какого-либо с её стороны деятельного участия. За исключением, впрочем, единого случая, многими засвидетельствованного (в июне 1884 года в Париже), когда она прочла письмо, не распечатывая его, а лишь приложив ко лбу, и в доказательство, что *видит* в нем написанное, а не говорит наугад *написала на отдельной бумаге фразу из него и, взяв красный карандаш, подчеркнула эту фразу, сказав:*

— Вот эта самая фраза *и в письме окажется подчеркнутою* красным карандашом и *помеченною теософическою звездой*, как здесь.

И она быстро, одним махом, начертила под *своею* фразой шестиугольную звезду. Когда же открыли письмо *в нем точно оказалась и та фраза и под ней точно такой росчерк и звезда тем же красным карандашом*. Это факт кажется единственный, в моем присутствии, такого феномена, от которого остались *вещественные следы*. Но никогда никакого *сотворения материального предмета* я не видывала и всегда прямо говорила сестре, что им не верю.

— Ну и не верь! — обыкновенно отвечала она мне очень хладнокровно. — Я очень мало забочусь о вере в эти вздоры.

Мне случалось ей сердито доказывать, что это далеко не вздоры! Что если она так легко *творит* золото и драгоценности, то пусть обогатит меня.

В ответ на такие речи она только смеялась, говоря, что этого она не может, потому что это было бы колдовство *черная магия*, которая всем принесла бы один вред.

— Наша *карма* с тобою быть бедными, и мы должны ее нести. Если б я попробовала себя или тебя таким путем обогатить, то погубила бы нас обеих, не в здешней, минутной жизни, а на долгие, может на вечные, века, объясняла она мне.

* Закон возмездия, воздаяния, вырабатываемого самим человеком. Наказание и награда каждого в его руках: в настоящем или будущем существованиях (учат буддисты), но всё творимое нами, добро и зло, на нас же возвратится и падет; непреложный закон этот и называется *карма*.

А на вопросы: "Зачем же ты одаривала других такими губительными подарками, если они приносят вред?" она уверяла, что те вздорные вещи, которые ей было *дано* сделать ради убеждения людей в том, как могущественны духовные дары и сила воли человека, ничего не значили, никакого влияния иметь не могли ни на кого и ни на что, кроме разве убеждения "тупоголовых материалистов, которые ничего не возьмут в толк *если им не поставить точек на i*".

Суть её речей всегда была одинакова: дело совсем не в феноменах, — они только *иллюстрации* для профанов, которые не в состоянии без них понять величия истинных задач и пользы теософии в средах заеденных материализмом и *буквой*, суевериями и обрядностями вместо веры в вечность духа человеческого и в духовные силы и задачи человечества. Феномены, будь их реальность доказана, как $2 \times 2 = 4$, будь они очевидны, как солнце на небе, не более, как детская забава, ничтожная иллюзия или умение повелевать вещественными атомами, сосредоточивать их воедино; во всяком случае, феномены эти, ни в проблеме жизни, ни в вечной загадке смерти и существования посмертного, сами по себе ничего не доказывают...

XI

В начале 1884 года было решено, что основатели Теософического Общества поедут этим летом в Европу. Полковник должен был выяснить какой-то вопрос, касавшийся цейлонских буддистов, в министерстве колоний; он думал было ехать один, но доктора посоветовали временную перемену климата и морское путешествие Елене Петровне, а потому было решено, что она с ним отправится в южную Европу. Она, вероятно, докторов бы не послушалась, но крепко захотелось ей повидаться со своими близкими. Теток своих, сестер матери, она не видала с семьдесят четвертого года, меня же более двадцати лет. Она мне писала в Одессу: "Если бы не надежда с вами свидеться, я бы не тронулась с места... Не всё ли

равно, где умирать?.. Здесь даже лучше: у меня в саду костер сандалового дерева стоит готовый для сожжения моего поношенного, расплзающегося грешного тела, спасибо один добрый раджа не поскупился дорогой материал для моего auto-da-fe преподнести мне в презент! А в Европе пожалуй и сжечь своих жиров мне после смерти не позволят?.. Но уж так и быть — рискну! Ведь наши каждое лето за границу ездят?.. Уж так бы хотелось хоть раз еще в жизни свидеться с тобой, с Надеждой Андреевной.* То-то бы радость была!.."

* Надежда Андреевна Фаддеева, меньшая сестра матери нашей, — тетка, с которой Елена Петровна с детства была особенно дружна.

Отъезд их из Индии был назначен в конце января. Зная это, мы с декабря перестали ей писать, так как письма в Мадрас шли от трех до четырех недель. В это самое время дядя наш, Р.А. Фаддеев, болел своею предсмертною болезнью. 29 декабря (1883 года) он скончался, а во второй половине января мы получили от Е.П. Блаватской отчаянное письмо, которым она просила подробностей о смерти его, говоря, что она видела его при переезде из Мадраса в Бомбей, на пути в Европу. Этот факт меня не особенно удивил, так как был не первым.* Елена Петровна часто нас предупреждала о смерти людей, живших с нами в России, из-за больших расстояний. Последний такого рода факт случился летом 1886 года, когда, живя в Петергофе, мы получили от неё письмо из Остенде, где она извещала нас о кончине А.М. Бутлерова, ранее чем это известие появилось в наших газетах. Елена Петровна очень любила профессора Бутлерова и была с ним в постоянной переписке. Она писала:

"Пожалуйста соберите всё, что появится в русских газетах о смерти А.М. Бутлерова. Он умер, я знаю: я его видела, но хотела бы знать подробности о болезни его и смерти."

* Целый ряд таких явлений из загробного мира Е.П. Блаватская видала в моем деревенском доме, когда возвратилась в шестидесятом году, после десятилетнего отсутствия. Она описывала разных лиц, живших когда-либо в этом, вновь купленном мною имении, и старые дворовые люди узнавали их по описаниям нашим. Всё это и многое другое в таком роде мною описано в брошюре "Правда о Е. П. Блаватской", журнал "Ребус" конца 1883 года.

Я очень тогда удивилась и недоумевала, "с чего ей вздумалось похоронить Александра Михайловича?!" никак не предполагая, что в тот же день, открыв газету, на первом же столбце увижу об этом объявление.

7 февраля основатели Теософического Общества оставили Бомбей и в начале марта высадились в Марселе, где их уже встретили депутации английских и французских членов их братства и целые вороха писем и телеграмм, нарасхват умолявших Елену Петровну приехать гостить в Париж, в Ниццу, в Италию и в Англию, пока президент Общества будет занят в Лондоне. Туда она вначале ни за что не хотела ехать. На море она себя лучше чувствовала, а высадившись, оказалась совсем больною и приняла ближайшее приглашение — в Ниццу, к леди Кэтнесс, герцогине де Помар, представительнице парижской ветви Société Théosophique d'Orient et d'Occident. Она рада была отдаться в распоряжение автора

"Изиды", основательницы движения, пред которым восторженно преклонялась, и действительно делала всё, что было возможно для спокойствия и удовольствия Елены Петровны. В Ницце оказалось, разумеется, несколько русских дам, из которых две-три прежде были знакомы с Блаватской, знали её еще как M-lle Gahn и теперь восторженно с нею носились. Полковнику Олькотту удалось излечить одну или двух из этих российских дам: одну от глухоты, другую от ревматизма магнетическими пассами. Это еще более прибавило им престижа и популярности... Парижские газеты заговорили о них гораздо ранее, чем было решено, что они туда переедут.

Но Е.П. Блаватская только и думала о свидании со своими и в виду этого, усиленно упрашивая нас приехать, не хотела принимать никаких приглашений, а наняла в Париже помещение в пять комнат, куда в начале мая я с Н.А. Фаддеевой приехали и прожили с ней шесть недель.

Звуковые и другие феномены,* происходившие в это время, были мною описаны, по просьбе одесских редакций, в "Новороссийском Телеграфе" и в "Одесском Вестнике" (июнь и июль 1884 года). Повторять их не стану, но остановлюсь несколько на пестром обществе, вечно окружавшем нас в маленьком домике улицы Notre Dame des Champs, 46.

* Между прочим и только что рассказанный, — с письмом.

Под одним кровом с нами жили, кроме Елены Петровны и полковника Олькотта (когда он возвращался из постоянных поездок), представитель американских теософов, Mr William Q. Judge, прилетевший из Нью-Йорка для свидания со своими друзьями и соглашения по некоторым теософическим вопросам. Некто Mr Bertram Keightley, юный лондонец, впоследствии один из секретарей Елены Петровны и преданнейший ученик её и друг. Наконец, двое индусов, молодой брамин Мохини Чаттерджи, смутивший своими газельими бархатно-черными глазами не одно сердце молодых парижанок и даже англичанок за время своего пребывания в Европе, и Бабула, слуга Елены Петровны, преданный, услужливый, вместе с тем веселый и большой юморист, говоривший по-английски и по-французски и очень гордившийся необычайным эффектом, который производили его тюрбаны из розового газа или газета, когда он прохаживался по Парижу.

Посетителей бывали ежедневно массы. Елена Петровна успевала заниматься лишь ранним утром от 6 часов утра до полуденного завтрака, а день весь проходил в приемах и суете. Общество осаждало её разнообразное, но всё из интеллигентных классов. Множество французов-легитимистов и империалистов льнули к ней почему-то в то время; очень многие ученые, доктора, профессора, психиатры, магнетизеры, приезжие со всех стран света и местные. Доктора Шарко тогда в Париже не было, но Рише и Комбре, его помощники, были своими людьми. Фламарион бывал очень часто; Леймари — издатель "Revue Spirite"; старичок магнетизер Эвет, друг барона Дюпота, постоянно конкурировал с Олькоттом в излечениях присутствовавших больных. Русских бывало множество мужчин и дам, и всё это усиленно напрашивалось в дружбу и в последователи учения.

В квартире Елены Петровны собственно происходили, за малостью её, лишь деловые заседания лиц непосредственно причастных делу; экзотерические же собрания, ради пропаганды, происходили больше у герцогини де-Помар, у графа и графини де-Барро и у других парижан, оседлых, если можно так выразиться. Граф и графиня d'Adhémar приезжали очень часто из своего имения возле Enghien; и мы ездили к ним и провели двое суток в их прелестной вилле, где всё еще было полно дивования по поводу чудес происходивших во время двухнедельного здесь пребывания сестры, ранее нашего приезда...

* Подтверждение этих чудес самою графиней Адемар желающие могут найти в журнале "Lucifer", July, 1891.

XII

Очень много тогда говорили тоже о внезапном, никем не ожидаемом появлении Елены Петровны, недели за три до нашего приезда в Париж, в Лондоне, на митинге. Она еле двигалась тогда, еле переступала большими, опухшими ногами и положительно *одна* никуда не могла двинуться: не могла ни сойти или взойти на лестницу, ни сесть в экипаж без величайшего труда и сторонней помощи. Олькотт никак не мог один справиться в Лондоне, где вначале была неурядица и большие несогласия между членами общества. Митинги происходили там бурные; все требовали постоянно её присутствия, но она не могла решиться, ожидая нас и боясь снова заболеть. Погода стояла дурная, холодная...

Вдруг в одно утро она исчезла, и никто не знал, куда. Никому и в голову не приходило, чтоб ей вздумалось одной пуститься в путь, за Ла-Манш, на одни сутки. Но она действительно уехала одна с тем, чтобы на другой же день вернуться, никого не предупредив о своём намерении.

— Зачем же так рисковать? Отчего не взять с собой провожатого? Не телеграфировать, чтобы вас хоть в Дувре встретили? — дивились все на её странный, казалось, без нужды рискованный поступок.

Но она уверяла, что это было необходимо, что она предупредила много неприятностей, приехав на этот вечер прямо на митинг и разрешив многое своим вмешательством.

— Я была не одна! — утверждала она. — Одной бы мне ни в вагон, ни на пароход не влезть.

Но Олькотт и все уверяли, что не знают *кто* мог ее провожать, и главное, кто мог ей указать адрес той улицы, той нанятой случайно залы, где они в тот вечер держали митинг?.. Очевидно было, что проводы и напутствие — всё приписывалось "всесильным братьям"...

Доктор Китли, не тот, что с нами жил в Париже, а другой, двоюродный брат его, тоже всё ради теософии оставивший и всё состояние свое отдавший на теософическую общину, — описывает это посещение Блаватской Лондона так, будто это было чудесное доказательство её ясновидящих способностей, что она: "последовала внушениям своего оккультического инстинкта и, благодаря только ему, нашла и прямо явилась на митинг в дом, которого адреса не знала"... Другие же присутствовавшие на митинге положительно уверяли, что видели "рядом с ней вышедшего *учителя*"; что узнали его те, кто видал, но "не посмели подать и виду", а когда все заметили присутствие Блаватской и "гурьбой бросились к ней, чтобы посадить на почетное место, то его уже не было возле неё"...**

* "Lucifer", July, 362.

** Чарлз Ледбитер, присутствовавший на этом собрании, заметил Блаватскую раньше, поскольку она вошла в зал и села в заднем ряду недалеко от него, и несколько минут слушала, что происходит на собрании, прежде чем в него вмешаться, но он не заметил присутствия Учителя рядом с ней. См. его книгу "Как ко мне пришла теософия", гл. III. — Прим. ред. сайта.

Попав впервые тогда в среду этих не то фантазеров, не то полоумных, я помню, что была совсем сбита с толку и даже будто под гнетом сознания чуждой, языческой, полуколдовской атмосферы. Это "язычество" удручало меня за сестру, сколько она ни уверяла, что я ошибаюсь: что она более чтит заветы Христа, чем многие христиане...

В успокоение моё она не раз принималась мне рассказывать, как её *хозяин* (она упорно так называла его, хотя я ей много раз замечала, что это название русским народом определено *домовому*) почитает учение христианское и как чтит самого Христа высочайшим "аватаром", воплощением Божества, — Учителем человечества и "Сыном Божиим", — конечно, не в том прямом смысле, как мы, а в более отвлеченном, — образно.

Я спрашивала: как же и чем объяснить, — раз допустив существование этих, для нас невообразимых, полуволшебных созданий, — их внезапное желание поделиться со всем миром своею премудростью, столь ревностно ими доныне хранимою?

— А потому что пришла пора!.. Долее сохранять в тайне всё им известное они сочли бы преступлением, недостатком любви к человечеству! — объясняла Елена Петровна. — Материализм псевдонауки, тысячи противоречивых сектантств, буква и обрядность везде заменившие духовную, — *умную* веру, как называли её отцы церкви, — расшатали верования, подорвали основы истины и нравственности. В довершение хаоса явления из низших стадий мира невидимого вторглись чрез тысячи спиритских центров, окончательно сбивая человечество со здорового, прямого пути. Обезверившемуся Западу нужны *научные* данные, чтобы нравственно воспрянуть из грязного болота материализма, в котором его еще грозят затопить нисколько не более чистые суеверия, распространяемые медиумами. Ну вот и даны ему основные знания эзотерической философии древних!.. Может быть хоть ими проймутся. "Изиду" я писала слишком спешно,

слишком поверхностно! "Secret Doctrine" будет поглубже и гораздо полнее и последовательнее.

Я выразила сомнение в том, чтобы достаточно были сильны и убедительны доводы, приводимые ею в старом и будущем её сочинении, чтобы повлиять на убеждение людей, утративших все идеалы...

— On fait ce qu'on peut! — пожала она плечами. — Дурацкая "Армия Спасения", и та имеет влияние!

— Ну, а скажи пожалуйста, по совести, правду: кто тебя провожал в Лондон? — настаивала я.

Она только засмеялась.

— Ну не всё ли равно?.. Провожал добрый человек!

Этот разговор, еще несколько странных явлений, необъяснимых обыкновенными, естественными путями; многолюдный вечер — заседание теософов у M-me de Romar, где Елена Петровна говорила блистательно, да один вечер у графини де-Барро, где Мохини говорил прекрасно о законе *кармы** — праведном воздаянии судьбы каждому, по заслугам его, — вот черты, выдающиеся в моей памяти из этого первого шестинедельного свидания моего с сестрой, после её нравственной метаморфозы. Из числа *странных* явлений (в свое время мною рассказанных печатно, за подписью других свидетелей) самыми выдающимися были *письма* в особых каких-то китайских конвертах и бумаге, отмеченных красными иероглифами, которые *по свидетельству получавших их*, "сваливались неизвестно откуда".

* Карма — закон высшей, непреложной справедливости; одно из основных понятий буддизма, а за ним и теософов, суть которого прекрасно выражается изречениями: "каждый сам кует свою судьбу" и "что посеешь — то пожнешь".

Так полковник Олькотт показывал мне и другим подобное письмо *упавшее на него в вагоне*, по пути в Англию. Справедливость заставляет меня сказать, что в этом письме его предупреждали о воровской измене облагодетельствованных ими мужа и жены Coulomb, в Адьяре; о том, что там идут предательски дела в собственных комнатах Е.П. Блаватской, и что "это им грозит большими неприятностями впоследствии". Тогда на это предупреждение мало обратили внимания; но предсказание оправдалось вполне, когда месяца через два разразились последствия скверного дела экономки Кулон и её мужа, в отсутствие господ подкупленных, чтобы предать их лицам, подосланным поверенными Патерсона, миссионера-иезуита, в самые комнаты оставленного на их попечение дома в Адьяре, заранее всё в них предательски подготовив.

Скажу здесь сразу, чтобы покончить с этими письмами, что предо мною еще два заявления о таковых, со всеми официальными засвидетельствованиями присутствовавших, а также и экспертов-каллиграфов, которым они даны были на

рассмотрение, в подтверждение их доподлинности. Это рассказ Dr. Гюббе-Шлейдена, издателя Лейпцигского журнала "Sphinx", о письме Махатмы Кут-Хуми, найденном им возле себя, при переезде из Лейпцига в Дрезден. В нем Dr Гюббе-Шлейден нашел прямые и ясные ответы, как он сам пишет, на задававшиеся им полковнику Олькотту (с которым он ехал) *именно в ту самую минуту* вопросы. Другое письмо было адресовано Густаву Гебхарду, хозяину дома, где два года спустя я снова гостила у Е.П. Блаватской. Вся семья Гебхард неоднократно мне рассказывала, как они раз вечером сидели со многими гостями в их большой гостиной, разговаривая об оккультизме и об "Учителях", когда Елена Петровна заметила, что она чувствует *обычное присутствие их* и предложила всему обществу пожелать совершения какого-либо феномена и быть внимательными... Решили сразу, чтоб явилось *письмо* на имя хозяина дома, в котором находился бы ответ на вопросы, о которых только что рассуждали. Немедленно хозяйка дома, M-me Gebhard, и некоторые из её гостей увидели необыкновенный свет на противоположной стене, над большою картиной, висевшею над роялем, и на него оттуда свалилось письмо, обычного вида и формы. Один из сыновей хозяина дома, Рудольф, схватил его и прочтя громко адрес своего отца "Herrn Consul G. Gebhard" — передал его по принадлежности. И в этом письме махатмы тоже оказались ответы, именно касавшиеся данной беседы маленького общества, собравшегося там.

В книге Синнета, где приведены эти заявления Гебхардов и Гюббе Шлейдена, со всеми документами, нахожу рядом письмо и нашей соотечественницы, Ольги Алексеевны Новиковой, о слуховом феномене, которого она была свидетельницей. Привожу его целиком.

"Holloway's Hotel,

48 Dover Street, Piccadilly, London

August 9. 1884.

"My dear Mr ***, я не нахожу решительно никакого затруднения рассказать вам о том, что случилось в моем присутствии несколько дней тому, в доме Mrs Arundale, где я обедала с M-me Blavatsky.

Среди разговоров, о различных предметах, M-me Blavatsky вдруг умолкла, и мы все ясно услышали звук, который можно сравнить со звоном серебряного колокольчика. То же самое произошло еще раз, позже, в гостиной, возле столовой...

Я, разумеется, удивилась этому явлению, но еще более следующему. Я только что пропела русскую песню, которой ноты привезла в тот вечер с собою; она очень понравилась всем, а когда утих отзвук последнего аккорда в аккомпанементе, M-me Blavatsky сказала: "Слушайте!"... Подняла вверх руку и все мы ясно услышали финальный, полный аккорд, из пяти нот, повторенный посреди нас.

Я, конечно, не имею ни малейшей возможности давать этому какое бы то ни было объяснение, но факты были таковы, как я это заявляю."

(Подписано): "Ольга Новикова, рожденная Киреева."

Еще должна передать в заключение, не предполагая более говорить об этом предмете, что впоследствии Е.П. Блаватская присылала мне много статей в различных журналах *не* теософических, где существование — этих обитателей адептов современной *белой* магии и их собственное существование, а равно и оккультические знания их и силы — свидетельствовались как научные факты.

XIII

После отъезда нашего из Парижа в конце июня Елена Петровна, склонившись на неотступные мольбы лондонских теософистов, поехала в Англию, где и пробыла до начала августа. Об её прибытии прошел скоро слух, и там она была осаждаема посетителями, поклонниками и просто любопытными еще более, чем в Париже, хотя жившие с нею свидетельствуют, что все старания её были обращены на устранение утренних посещений ради дела. Она работала от раннего утра до вечера над "Тайною Доктриной", выходя из своей комнаты лишь к семи часам и после обеда уж отдавала себя на растерзание посетителей.

"Хотя ее осаждали сильно члены Психологического Общества и другие охотники собственно до феноменов, но они составляли лишь часть постоянно окружавшей нас толпы", — пишет хозяйка дома, где она гостила, мистрисс Арёндэль. — "Многие множества серьезных умов, занятых глубокими соображениями, изучением философии, которые ей так хорошо были знакомы, приходили поучаться день за днем, привлеченные силой ума, ясностью изложений её по всем вопросам, с которыми к ней обращались." Кто из друзей и учеников Е.П. Блаватской не помнит её оригинальной, высокой, крупной фигуры, с детски добродушным, юмористически или ласково улыбающимся лицом; одетую в широкие складки своих вечных хламид, не сменяемых ни ради самого избранного общества, погруженную в спокойное кресло, со своею непеременною табачною корзинкой возле неё на столе и с постоянною сигареткой, которые она и себе, и гостям своим любила сама скручивать?.. Такою единодушно описывают её все её знавшие; такую поминает её и мистрисс Арёндэль, повествуя о времени, когда Блаватская у них гостила. С нею был слуга её, Бабула, возведенный ею из париев в члены Теософического Общества. Он, обыкновенно одетый в свое национальное платье и тюрбан, торжественно вносил и ставил на стол *русский самовар*. Чашки чая ходили вокруг стола, а во главе его, окруженная штатом седовласых профессоров из Кэмбриджа и Оксфорда, писателями, докторами, духовными лицами, путешественниками, мужчинами и женщинами, собравшимися со всех концов света, чтобы видеть её и слышать её речи, сидела Елена Петровна, спокойно покуривая и будто шутя отвечая на глубокие ученые вопросы о законах, управляющих материей, о теориях космогонии и происхождения человечества...

В те дни № 77 Эльгин-Крессента (дом г-жи Арёндэль) был не таков, как бывал прежде и никогда более таким не бывать ему!" — горестно восклицает она.*

* "Lucifer", July 1891.

В течение этого лета, во время пребывания основателей Теософического Общества в Европе, как ранее было сказано, разыгрался в Адьере заговор, который до того измучил своими последствиями Елену Петровну, что она вновь заболела так тяжело, что едва не умерла. "И умерла бы *неприменно*, если бы выздоровление её зависело от обыкновенных докторов и лекарств!" — говорят единогласно все окружавшие её в то время. "Но *тогда*, не окончив своей миссии, не написав еще "Тайной Доктрины", ей умереть было *нельзя*! Она была задержана в отказывавшемся служить теле... В нем жизнь единственно поддерживалась волей, мощью её необычайного духа, возбуждавшегося энергией *учителей*, вливавших в нее силы своего магнетизма каждый раз, когда являлась опасность."

Так загадочно пишут и говорят теософы... Но факты таковы, что она не знала покоя от физических и нравственных страданий, влиявших на нее так разрушительно, что одно время она решила отказаться от деятельности официальной, от своего звания Corresponding Secretary, которого формально держалась, будучи на деле *всем* в своем обществе: его душой, головой и правой рукой.

Взбрело ей на ум, что оно будет благополучнее процветать, если она, "ненавидимая *лично* множеством врагов, посрамляемая наветами Психического Общества, навлекающая на него напраслины и подозрения, — уйдет!.." Она серьезно писала о том своим близким; известила почти официально о своем намерении Олькотта и Джеджа, уверяя их, что своим уходом она, предоставив деятельную власть им одним, — спасет их общее дело.

"Позвольте мне избавить вас от моей беспокойной, разрушающейся, навлекающей на вас одни нарекания и беды особы, — писала она им. — Удалившись от деятельной службы Обществу, я лучшую услугу ему сослужу: займусь "Доктриной" и скорее её окончу!.."

Однако её до этого не допустили: всё теософическое братство, как один человек, восстало против её замысла и не позволило ей его исполнить.

В начале ноября они отправились обратно в Индию, через Суэцкий канал. С Еленой Петровной поехали друзья её, мистер и мистрисс Купер-Оклей. Проездом они побывали в Египте. Спутники её, описывая пребывание их в Каире, удивляются её глубоким и подробным знаниям местностей и связанных с ними исторических преданий.

"Известный египтолог Масперо провел с нами целый день в Булакском музее; он был поражен её знаниями! — рассказывает мистрисс Купер Оклей. — С величайшим интересом слушал он её эзотерические объяснения значения сказаний о королях, мимо изображений которых мы проходили, её указания различных степеней их посвящения в таинства религии Озириса и Изиды..."

Рассказывая о дальнейшем плавании, г-жа Купер-Оклей делает замечание, что ей стыдно было за своих соотечественников, так пошло и грубо большинство их вело себя на пароходе в отношении Е.П. Блаватской. Дело в том, что несколько "обличительных" статей фабрикации англо-индийских миссионеров против Теософического Общества и в особенности "обманов, фокусов и шарлатанства его основательницы", в брошюрах, нарочно разосланных этими представителями христианства на все пароходы А.И.К°, ходили между пассажирами и возбуждали "в общем нерасположение и злорадство"... Исключений было мало... Зато, когда они высадились, сначала в Коломбо, а потом в Мадрасе, восторженные встречи и приветы местных жителей вознаградили её за незаслуженные оскорбления европейцев. На Цейлоне они пробыли два дня. Там их встретил президент Общества с некоторыми местными представителями ветвей и с первосвященником Сумангалой во главе. Они посетили храмы и несколько интересных мест в Коломбо, потом направились далее...

На Мадрасском берегу туземцы всех классов, студенты и седобородые раджи, устроили Блаватской такую овацию, что все их спутники и городские власти были поражены. Начать с того, что, увидев пароход, несколько лодок с музыкантами отплыли навстречу им и таким образом, при громе духового оркестра и восторженных криках нескольких сот человек, Елену Петровну усадили на разукрашенные цветами носилки и на руках снесли с палубы на пристань; откуда "окруженную радостными темными лицами, улыбавшимися ей, теснившимися со всех сторон, чтобы поймать её взгляд, пожать ей руку" её принесли в какой-то "Pacheappa's Hall", рассказывает её спутница,* (вероятно гостиницу), где тоже всё было разукрашено цветами...

Там их буквально окутали гирляндами роз, опрыскали духами и розовой водой; а студенты мадрасской коллегии приподнесли Е.П. Блаватской адрес за подписью более 800 человек.** В нем они приветствовали возвращение её из Европы, свидетельствуя "свое бессилие передать в достаточно красноречивых словах сознание громадности своего долга ей, бесконечной, сердечной благодарности", за труды её для возрождения Индии, для ознакомления Запада с её философией и классической литературой.

* "Lucifer", June 1891.

** Подлинник этого восторженного адреса хранится в библиотеке Адьяра, подписанный 320 студентами Мадрасской *Христианской Коллегии* и 474 воспитанниками других высших учебных заведений в Индии. Копии разосланы всем теософическим центрам.

После торжественного чтения адреса их проводили и усадили в открытую коляску, присланную одним раджой, членом Теософического Общества, и доставили в Адьяр, где опять ожидала их торжественная встреча многочисленных представителей различных ветвей Теософического Общества, уже начавших съезжаться туда со всех стран света на обычную ежегодную конвенцию.

Здесь вскоре выяснилось дерзкое коварство, жертвой которого сделалась добрая слава Е.П. Блаватской и столько потерпело её здоровье.

Едва она вошла в свои комнаты верхнего этажа, где за долгое свое отсутствие позволила жить экономке Кулон, мужу которой поручила, в то же время, сделать некоторые поправки и деревянные работы в своей спальне и рабочем кабинете, так как он был столяр по ремеслу, как в изумлении начала призывать всех посмотреть, что за удивительные сооружения наделаны им. В кабинете оказались *потайные двери* в спальню, о которых она никогда не помышляла; а в стенном шкафу *двойное дно на шалнерах*, но так грубо и неловко устроенное, что сейчас бросалось в глаза каждому. Оказалось, впрочем, что работы еще не были кончены и ни шалнеры, ни раздвижные двери не действовали и действовать в таком виде не могли бы...

Вот что произошло.

Люди, в выгоды которых входило обесславить Блаватскую и её дело, заплатили экономке и мужу её, чтоб они выдали, если что знают, какими способами она "морочит людей, показывая фокусы, которые называет *феноменами* и заставляя появляться каких-то волшебных кудесников, выдуманных ею махатм!" На первый раз они с негодованием отказались, уверяя, что никаких фокусов не знают. Но тут поднялись неприятности с заведывавшими во время отсутствия хозяев в Адьяре лицами и экономкой, и в предвидении лишения места она переменила тон: в её распоряжении оказались старые письма Елены Петровны Блаватской, в которых говорилось о каких-то таинственных заговорах и приспособлениях, где была необходима помощь искусного столяра... За эти письма, подписанные именем Блаватской (*но которые ни ей и никому из знавших почерк её и требовавших, чтоб им позволили взглянуть на них, не были никогда показаны*), миссионер Патерсон заплатил очень дорого, он сам этого не скрывал: сам рассказал об этом, нисколько не стыдясь. Это и были те улики, напечатанные почтенным иезуитом, рядом с заявлением, что Блаватская обокрала кассу общества, что она никогда не посмеет более вернуться в Индию и т. п. клеветами, которые взбудоражили общественное мнение и восстановили Майерса и всё психическое общество против неё и её дела. Когда об этих *письмах* узнали в Европе президент и Е.П. Блаватская, они немедленно потребовали следствия; в Адьяре же, заведывавший делами главной квартиры, некто м-р Сент-Джордж Лэн-Фокс (занимавший видный пост в англо-индийской администрации),* прослышав, откуда взялись "обличительные" письма, напечатанные миссионерами, тотчас же приказал Кулон уходить. Но они оба еще промедлили несколько дней, и в это-то время столярные работы самого Coulomb, на необходимости окончить которые он настаивал, из простой перегородки и стенного шкафа и обратились в "обличительные" сооружения. Этим он рассчитывал подтвердить подложные письма своей жены...

* Mr. St. George Lane Fox, бывший секретарь министерства по делам Индии, лично опровергнул наветы миссионеров и лондонского психического общества на Е. П. Блаватскую письмом в газету "Times", от 9 октября 1884. Там же и письмо самой Е.П. Блаватской.

"Каждый разумный человек мог сразу убедиться, что раздвижные двери и шкаф на шалнерах только что сделаны, совершенно нового дерева; до того нового, что были *неподвижны*, ненося ни малейших следов раздвижения и *не поддаваясь никаким усилиям* моим и мужа моего вместе, — пишет мистрисс Купер-Оклей. —

Если мы вдвоем не могли столкнуться с места потайной двери, что могла бы с ней поделаться m-me Blavatsky, если бы даже захотела её употреблять?.. Тем не менее, Mr Hodgson так желал *"отличиться"*, что не захотел обратить внимания на эти указания простого здравого смысла...

М-р Ходжсон был очень юный следователь, присланный от психического общества для расследования дела по обвинению Блаватской в фокусах и обманах. Она и Олькотт сами просили о том... М-р Ходжсон нашел всё англо-индийское общество вооруженным против Е.П. Блаватской по двум пунктам: 1) потому, что её считали шпионом России и 2) потому, что она была явную сторонницей туземцев — индусов против англичан, защищая печатно первых всегда, когда считала их обиженными, мужественно заявляя свои убеждения. Понятно, что положение светского юноши, которому очень хотелось ладить с высшим британским обществом и властями, было весьма в этом деле затруднительно; а ряд празднеств и обедов, в который он попал и где постоянно слышал одни наветы и насмешки над m-me Blavatsky, никак не мог подействовать для неё благотворно!.."

Такими мягкими осуждениями мистрисс Оклей старается выгородить своего соотечественника; но по нашему разумению уж один факт, ею заявляемый *что никакие просьбы не могли подвигнуть* этого "неподкупного следователя" *показать* Блаватской, или друзьям её *письма, проданные m-me Coulomb миссионеру Патерсону* служит очень веским доказательством его предвзятой недобросовестности. Впрочем, и мистрисс Куп. Оклей сознаётся, что "никто не бывший на месте с m-me Blavatsky и представить себе не может, до чего скандальна была несправедливость к ней англо-индийского общества!"

Разумеется, последствием всех этих волнений была новая сильная болезнь Елены Петровны. Три недели она боролась с одолевавшим её недугом и наконец слегла, в состоянии полного бессилия. Сердце еле билось, болезненные припадки учащались каждый раз, оставляя её в более и более безнадежном состоянии... Наконец, мадрасские доктора объявили, что надежды нет никакой, что вопрос в нескольких днях страданий.

Но мистрисс Оклей пишет, что почему-то не могла этому верить! Что хотя полк. Олькотта не было в Адьяре, он должен был выехать вскоре по возвращении из Европы в Бирму и ничего не знал об опасности, в которой была Е.П. Блаватская, при которой единственным ответственным лицом оставалась эта дама.

"Ужасно тоскливы были дни и в особенности ночи, которые мне одной пришлось проводить над больной, но таково было её успокоительное влияние (?) даже в болезни, что я ни мало ничего не боялась, уверенная, что хотя она лежит недвижима, но что опасности нет. Даже в последнюю ночь, когда доктор заявил, что она более в себя не придет; когда она уже несколько часов была в полном беспамятстве и я, говоря по-человечески, должна была сознавать, что всё кончено, я не переставала надеяться!.. Никогда не забуду этой ночи, но *не могу* войти в подробности... Одно скажу: в восемь часов утра "Н.Р.В." открыла глаза и совершенно спокойно, голосом, которого мы много дней у неё не слышали, попросила позавтракать... Когда приехал доктор, я вышла ему навстречу: изумление его было велико!.. "Н.Р.В." встретила его словами: "Ах! доктор, вы не

верите нашим великим учителям!.." С этого дня она стала быстро оправляться, а врачи (отменив смертный приговор) начали усиленно посылать её в Европу... Но я за ней уж не могла тотчас ехать; все эти волнения осилили меня, я сама с ног свалилась!"

Мр-с Купер-Оклея кончает свой рассказ, как оканчиваются все статьи писанные об Елене Петровне после смерти её, хвалебным ей словом; поминая её доброту к самым заклятым врагам её, ласковую простоту её обхождения, она обращает внимание на одну исключительную черту, замечавшуюся, впрочем, многими:

"Говорят, будто бы фамильярность порождает небрежение; но замечательно, что с ней чем ближе и интимнее мы сходились, чем неразлучней становились в повседневной жизни, тем большее уважение мы к ней чувствовали, тем глубже научались почитать её!.. Удивительная, таинственная демаркационная черта всегда её окружала, ограждая внутреннюю, духовную жизнь её от внешнего, обыденного существования"...

XIV

Едва оправившись от тяжкого недуга, Блаватская тотчас же потребовала законного расследования этого вопиющего заговора и обвинения, основанного на подкупе слуг, на подложных письмах, которых ни ей, никому из её поверенных не хотели показать, и на устройстве ловушек... Но на неё поднялся весь ареопаг, съехавшийся на конвенцию, и не допустили её до суда.

"Мне пришлось заявить, что я тотчас же оставлю общество и выйду в отставку, чтоб удержать её от процесса! рассказывает Олькотт.* Но комитет, составленный из опытных законников (членов теософической конвенции), единогласно решил, *что в этом случае обращаться к закону — безумие!..* Во-первых потому, что *никогда присяжные в англо-индийском суде не разрешат в пользу туземцев дела*, в котором замешаны вопросы о восточных верованиях, о существовании недостижимых для судей и адвокатов радж-йогов; а во-вторых потому, что каково бы ни было решение их — оно не изменит мнений о ней её врагов и друзей: первые оправданию её не поверят; вторые—в нём не нуждаются, зная истинную силу её духовных даров. А между тем судебное разбирательство, касаясь столь священных для них (туземцев) предметов, наверное оскорбит их чувство и может иметь плачевные последствия... Я ей напомнил, что мы принадлежим не себе, а делу и своему обществу, и она должна была покориться необходимости!" — заявляет представитель теософического братства в своих воспоминаниях о многостраданиях физических и нравственных последних лет жизни Е.П. Блаватской. Она так волновалась грубыми клеветами, взводимыми на неё, несправедливостью и неблагодарностью людскими, часто её поражавшими, проявляясь в людях, которых она считала друзьями самыми преданными, что не будь даже у неё хронического расстройства сердца, она, под влиянием таких непрерывных тревог, могла бы умереть; а тут еще этот убийственный климат Индии, удесят�евший опасность... Консилиум докторов определил, что только

немедленное переселение в более умеренные страны, куда-либо в южную Европу, может спасти её от немедленной смерти.

* H.P.B.'s Death. The Theosophist, June 1891.

"И вот, когда Е.П. Блаватскую перенесли на носилках и в бесчувствии подняли на пароход, — господа Патерсон-Ходжсон и К° сочли благоприличным пустить вслед ей, умирающей, еще одну клевету: сочинили, что она *обокрав кассу общества*, убежала в Европу, испугавшись преследования полиции и тюрьмы вследствие того, что *открылось достоверно, что она агент и шпион на жаловании у русского правительства (!?!)*..."

И во главе этой нелепой лжи в нехристианской стороне, которую они старались *просветить*, стояли гг. миссионеры, — да будет им стыдно вдвойне!..

Горькие письма писала в то время, в промежутки тяжких страданий, Блаватская родным своим и знакомым из Неаполя раннею весной, а позже из Вюрцбурга в Германии, куда переселилась на довольно долгое время.

С первой же минуты её вторичного появления в Европе на нее вновь посыпались приглашения; но она хотела уединения, тихой жизни; хотела заняться новым делом, писать новую книгу, для которой *была оставлена ещё на время* — так она была уверена.

... "Я больше добра могу сделать, оставаясь в тени, чем опять выдвигаясь на аванпосты движения! писала она Синнету, звавшему её в Лондон. Позвольте мне прятаться в неведомых уголках и писать, писать, писать, — учить всех, кто пожелает учиться... Уж если *он заставил меня вновь ожить*, дайте мне хоть относительное спокойствие... Очевидно *он* находит, что я еще должна работать для теософического общества... Но представьте только отвратительную клевету "Журнала Христианской Коллегии"! Обвинять *меня* — в воровстве! Я — обокрала общество?! Я — десять лет работавшая на него, отдававшая ему не только все свои заработки, но и самую жизнь! Я — принужденная оставить Индию нищей, зависящей от милостыни "Теософиста", моего собственного журнала, основанного и созданного на мои деньги! Я — "продажная обманщица", я — лгунья наживы ради, когда всё, что получала я из России и из Америки (за "Изиду") я отдавала делу, не считая даже своею платою за мои русские статьи"...

В начале декабря графиня Вахтмейстер, жившая с Е.П. Блаватской в Вюрцбурге, писала Синнету: "Я считаю себя чрезвычайно счастливою, что мне позволено быть свидетельницей изумительного способа, которым пишется это сочинение (Secret Doctrine)". В то же время она писала и мне, прося моего содействия для книги, которую Синнет тогда готовился писать о жизни сестры моей.

* Бывшая фрейлина нашей императрицы при датском дворе, вдова министра иностранных дел в Стокгольме. Она отдала всю жизнь свою и всё состояние делу теософии, была неразлучна с Е.П. Блаватской и постоянно и ныне работает в лондонской конторе теософического общества, в Сити (7 Duke street), заведывая ею.

Письма графини Вахтмейстер, где она описывает неустанные занятия Елены Петровны над новым её сочинением, её самоотвержение и преданность делу *которое она, Елена Петровна, как и все они, считают истиной и благом человечества*, где графиня свидетельствует также свое личное *совершенно независимое общение с махатмами*, — у меня хранятся, так как в них же она дает мне полное право пользоваться ими для печати. Впрочем в июньском "Люсифере" есть её статья об этом времени, под заглавием: "At Wurzburg and Ostende", в которой она прямо указывает на факты.

"Каждое утро она вставала в шесть часов (пишет графиня об Е.П. Блаватской) — и добрый час работала до утреннего завтрака, за которым до восьми читала письма и газеты, и снова садилась за письменный стол. Тут она иногда призывала меня, говоря, что указания на различные книги и рукописи даны ей "хозяином", с обозначением глав и страниц, для точных ссылок в её сочинении; но что так как она читает их в астральном свете, запечатленными *наоборот*, то очень боится перепутать цифры; а потому и просит, чтоб я написала различным друзьям, чтоб они проверяли их в разных публичных библиотеках. И это опасение раза два оправдалось, например: её ссылка на страницу двадцать третью оказывалась подтвержденною на странице тридцать второй и т. д. Обед ей подавали между часом и двумя, сообразуясь с возможностью ей оторваться от работы, за которую она принималась тотчас же после обеда и продолжала до шести вечера, когда подавался чай. По вечерам она развлекалась, раскладывая свои всегдашние пасьянсы, а я читала ей письма или что-нибудь из журналов, что считала для неё интересным. Около десяти часов Н.Р.В. уходила, ложилась, в постели читая русские газеты и книги до полночи, после чего тушила огонь и успокаивалась до раннего утра. И так день за днем... Порядок нашей жизни лишь нарушался, когда какой-нибудь злой человек присылал злорадный пасквиль, вроде донесения Ходжсона. Тогда подымалась буря волнений и негодования, смущавшая жизнь нашу на несколько дней...

Раз вечером Н.Р.В. сказала мне:

"— Вы не можете себе представить, как тяжело чувствовать множество противных течений, недобрых мыслей, против вас направленных! Точно будто вас колют тысячи игл!.. Я постоянно должна (силой воли) воздвигать вокруг себя стену, в ограждение от этих токов."

Я спрашивала её, знает ли она, откуда шли эти недружелюбные помыслы, и она отвечала:

"— К несчастью — да! Я стараюсь не видеть и не знать, но это трудно."

И в доказательство она часто заранее говорила мне, кто что о ней пишет, цитируя целые фразы и пассажи, которые я впоследствии целиком находила в получаемых мною письмах.

Все, кто знали как я Н.Р.В., знают, до чего она была достойна любви; какое очарование доброты, ласки, веселости, остроумия разливалось от её детски-веселого, порой, лица!"

Графиня Вахтмейстер говорит, что никогда она не видала, чтоб Елена Петровна относилась безразлично к людям: для каждого человека у неё была особая манера, хотя всегда ласковая, но прямо бившая на слабые стороны данного лица, которые ей очевидно были известны. Эти слабости, в общении с ней, выступали так, чтобы становиться более заметными и ему самому. Таким образом, каждому она давала возможность лучше познать самого себя и пользоваться её практическим способом учить ближних самоусовершенствованию... Разумеется, "многим этот способ исправления был не по вкусу и многие оставляли её; но те, которых тщеславие выдерживало иску́с, оставаясь ей верными, скоро начинали замечать в себе развивающийся внутренний рост, — *единый верный путь к познанию оккультизма*"... "Вернее и преданнее друга нельзя было найти! Я считаю величайшим благом своей жизни время, проведенное в такой близости к Н.Р.В. и по смерти буду работать, стараясь распространять благородное дело, которому она пожертвовала жизнью и за которое столько страдала!"

О феноменах, которые, заявляет она, "случались ежедневно", — графиня рассказывать не хочет, ибо они казались ей *обычными явлениями жизни*, так она привыкала к их проявлениям, живя под одним кровом с Еленой Петровной.

Здесь я должна обратить внимание тех, кто пожелал бы ближе познакомиться с делом, на замечательно веские письма графини Вахтмейстер и доктора Гартмана в книге Синнета о Е.П. Блаватской (стр. 317–321). Графиня в своем письме кается искренне в сильнейших предубеждениях своих против Блаватской, которую до пребывания в Вюрцбурге она очень мало знала и "не поехала бы за ней ухаживать в болезни, если бы не считала себя всё же обязанною быть ей признательною за то, что чрез сочинения её познакомилась с теософическим учением. Но проведя с ней несколько месяцев не только под одним кровом, но почти в одной комнате, днем и ночью имея доступ к ней, ко всем её вещам, письмам и малейшим подробностям жизни; видя *постоянно проявлявшиеся доказательства особых сил, ей присущих*, для которых нет на языке человечества другого определения, как "чудо" или "феномен", — она винится и открыто, искренно заявляет, что *стыдится самой себя*, своих прежних подозрений. Она убедилась, что Блаватская "честная, правдивая, преданная делу даже до смерти женщина, оскорбляемая и оклеветанная поверхностными профанами"... "Она несчастна — судя по житейскому; но с высшей точки зрения она необыкновенно счастлива, благодаря своим глубоким знаниям и необычайно развитым духовным дарам, которых не могут отнять у неё никакие враги, завистники или невежды"...

XV

Летом 1886 года я снова навестила сестру в Германии, в Эльберфельде, где она гостила у друзей своих Гебхардов. Она собственно ехала лечиться морскими ваннами в Остенде, но была задержана два месяца на пути вывихом ноги, уложившим её на несколько недель неподвижно. Она, как всегда, была окружена множеством лиц приезжавших со специальною целью видеть её, кто вновь познакомиться, кто возобновить старую дружбу; но здесь у неё было, казалось, гораздо более добрых друзей, расположенных лично к ней безо всяких скрытых

целей и расчетов. Вначале Елена Петровна не могла ничем заниматься; но когда ей стало лучше, то время проходило очень занимательно, в оживленных беседах на террасе или в саду, а иногда в чтении приготовительных материалов для "Тайной Доктрины". Тогда обыкновенно все желавшие слушать переходили в отдельную "восточную" комнату, так названную по её убранству. Во время этих чтений, которым благоговейно внимали разные ученые, меня поражали две особенности, а именно: удивительная образность и подробность описаний, в которые устно входила Елена Петровна, вдаваясь в разъяснения по разным вопросам, ей предлагаемым специалистами, и полнейшее неумение её строго держаться научных доказательств и формул. Она рассказывала увлекательно, но едва доходило дело до каких-нибудь математических данных, то она очень часто сама не умела прочесть ею же написанных алгебраических или геометрических выводов... Возле неё обыкновенно сидел профессор Стокгольмского университета Берген, или кто другой из представителей присяжной науки и помогали ей формулировать выкладки всегда верные, но в которых она при чтении путалась и справиться устно не умела...

Когда я, оставаясь наедине с ней, дивилась этому, — "как же де ты сама высчитала и написала, а прочесть не умеешь?!" — сестра мне всегда отвечала со смехом:

"— Да откуда ж мне задачи высшей математики знать, матушка моя?.. Это твои дочери, *bas bleus*, всё в нынешних премудрых женских гимназиях проходили. А мы с тобой, сама знаешь, рядом учились! Едва четыре правила одолели."

— Да как же ты писала об этом, если сама не знаешь?!

"— Ну, вот! Мало о чем я пишу, чего прежде и во сне не видала!.. Не я пишу, — а я только *с готового списываю*... Хоть ты никогда мне не верила, а вот тебе и еще доказательство, что я только орудие, а не мастер."

— Но описываешь ты мастерски!.. Будто всё это сама видела, сама везде была.

"— Бывать не бывала; а видеть — видала! Постоянно вижу, когда пишу то, что описываю."

Таковы всегда были её неизменные ответы.

В конце июля мы переселились в Остенде, где я скоро оставила Елену Петровну окруженную наехавшими из Англии, Швеции и Франции друзьями. Раньше всех приехал Синнет с кипой корректурных листов печатавшейся книги его "*Incidents in the life of M-me Blavatsky*". В том, что в ней приписывалось сведениям от меня полученным, я нашла некоторые неточности, которые исправила; но, к удивлению моему, эта корректура не пошла впрок, так что я не могу в книге признать очень многого из того, что *будто бы* я сама рассказывала... В особенности касательно детства сестры моей. Остальные же лица, на которых Синнет ссылается, — сколько я знаю, признают все ссылки его вполне верными.*

* Особенно на страницах от 30 до 52 много небывальщин; насколько я знаю, в детстве никогда сестра не поминала ни о реинкарнации, ни об "учителях", ни о чем подобном.

Е.П. Блаватская оставалась в Остенде до весны 1887 года. Хотя одну её никогда не оставляли, но когда в октябре приехала к ней вновь графиня Вахтмейстер, мы стали спокойней, зная, что никто, в случае осложнения болезни, которые вообще её не оставляли, — не присмотрит за нею, как она.

И правы мы были! К концу зимы она захватила бронхит и хроническая болезнь почек, милое наследие Индии, до того ухудшилась, что бельгийские доктора объявили её безнадежно... Пусть она сама за себя расскажет всё дело, болезнь свою и спасение.

"Милая ты моя, не бойся, — еще раз надула я *курносую*: выходили меня!.. Удивительные казусы со мной всё творятся. Ты пишешь: "Можно ли быть такою неосторожною!" — Да разве же я по неосторожности простудилась?.. С кресла не вставала, из комнаты не выходила, как прикованная сидя над своею *Доктриной*; всем работы с нею задала: и графине, и доктору Китлей, двоюродному брату того, что ты в Париже видала; он приехал из Лондона депутатом, звать меня к ним туда, — а я его за работу!.. Видишь ли, дней за десять до болезни стало Лондонское общество усиленно меня призывать: нужна-де я им! Без меня ничего не поделают, учиться оккультизму хотят, а потому сгорают желанием лишиться Остенде моего благотворного присутствия... Прежде всё вороха писем умоляющих получала и отмалчивалась... Ну-де, вас, совсем! думала. — Дайте вы мне покойно книгу свою писать. Не тут-то было: депутацию прислали! Keightley уверяет: "и дом чудесный в саду наняли, и всё приготовили, и на руках вас на место доставим, — только согласитесь!" Я было и решилась. Графиня уж укладываться начала, хотела меня упаковать, съездить в Швецию, продать там свое имение, чтобы жить при мне неотлучно, и вдруг я свалилась!.. Такая, видно, моя *планида*!.. Да еще какой тут *пассаж* вышел. 27 марта назначено было нам выехать, а 17 я ни с того, ни с сего, сидя в кресле после обеда, заснула. Ты же знаешь, что со мной никогда этого не бывало!.. Заснула я крепко и вдруг говорю ей, как она рассказывает, я-то ничего не помню совершенно:

"— Хозяин говорит — вы не должны ехать, потому что я буду смертельно больна"... Она как закричит: "что вы говорите?!" Я проснулась и тоже кричу, в удивлении: "Чего вы кричите? Ч то случилось?!" Tableau!.. Дня через два мы было и забыли об этом, как получаю я еще одно письмо из Лондона, от некоего члена, которого я и в глаза не видала, — Ashton Ellis, —доктор при Вестминстерской больнице, мистик, Вагнерист, великий музыкант, еще молодой человек... Тоже умоляет меня переезжать, на том, вишь, основании, что *видал меня перед собой*, — по портретам, говорит, узнал... Стою я, говорит, через стол его, на котором он писал и смотрю на него... Мы с Constance (графиней) еще смеялись над его восторженными уверениями: "My life seems strangely linked with yours!.. Моя жизнь связана, пишет, с вами и Теософическим Обществом. Я знаю, — *я скоро должен вас увидеть!*..." Посмеялись и об этом забыли... Тут я горло простудила, сама не понимаю как, а потом — еще хуже! Как слегла я, да на пятый день остендские доктора объявили, что надежды нет, потому что началось отравление

крови от бездействия почек, а я всё дремала, да так и должна была заснуть навеки в этой дремоте, — графиня и вспомнила, что ведь этот Аштон-Эллис доктор известный. И телеграфировала ему, прося прислать хорошего специалиста.

"Вдруг этот, доселе чужой человек, телеграфирует:

"Еду сам, прибуду ночью". — Я, как во сне, еле помню, что кто-то в самом деле ночью пришел, взял мою руку, поцеловал её, давал мне что-то глотать; присел на кровати и начал массировать мне спину. Представь себе, что этот человек три ночи и три дня не ложился и каждый час растирал меня и массажировал..."

Далее Елена Петровна рассказывает, как она слышала говор присутствовавших о том, что если умрет она, не подписав своей воли, то без завещания не позволят сжечь её тела...

"Тут проснулось во мне сознание всего ужаса быть похороненною, лежать здесь с католиками, а не в Адьяре... Я позвала их и говорю: "скорей, скорей нотариуса!" и, поверишь ли, — *встала!*... Артур Гебарт, только что вернувшийся из Америки и приехавший с матерью, прослышав о моей болезни, побежал, привез нотариуса и американского консула; а у меня откуда силы взялись? — Сама диктовала и подписала завещание"... "Покончив, чувствую — не могу дольше! Опять в постель и говорю себе: "Теперь — до свидания! Помирать буду!.." Но Ashton тут из себя вышел: целую ту ночь он опять меня массажировал и поил какую-то дрянью. Но я уж видела, что у меня тело сделалось серым и в сине-желтых темных пятнах и, впадая в беспамятство, только с вами мысленно прощалась"...

Массаж однако подействовал; проспав целые сутки, Елена Петровна проснулась вне опасности. Рассказывая впоследствии об уходе за ней этих "посторонних людей" — графини, M-me Gebhard и в особенности совсем незнакомого, светского, модного доктора, поплатившегося сильно своею службой за то, что самовольно, без отпуска, уехал в ту же минуту, как получил телеграмму, — вспоминая их "неустанные, самоотверженные услуги, заботы их, усталь и тревоги ради спасения нескольких лет, быть может нескольких месяцев жизни чужой им старухи", сестра мне далее пишет:

"... Не знаю, что и думать! Чтó я им?.. За что графиня так привязана ко мне, что готова жизнь отдать для меня? Чтó я такое для Эллиса, никогда меня не выдавшего, чтоб он не задумываясь рискнул, без дозволения, бросить для меня госпиталь на *семь* дней; теперь потерял место с прекрасным содержанием и квартирой при Westminster Dispensary, съездил туда, вернулся и смеется: совсем, говорит, не жалеет! Больше времени будет для теософии работать, с одною практикой... Ну, что это значит? Что им во мне?.. Что за судьба моя так влиять на судьбу других людей?.. Я тебе говорю серьезно: — *мне страшно!*.. Я перестаю понимать причины и теряюсь! Знаю только одно: я вызвала какую-то неведомую силу, которая связывает судьбы людей с моею судьбой, и моею жизнью... Знаю также, к своему счастью, что многие между преданными мне людьми считают меня своею спасительницей. Многие были бессердечными эгоистами, материалистами безверными, светскими, легкомысленными сластолюбцами и превратились в серьезных, работающих без усталости людей, всем пожертвовали

делу: положением, временем, достоянием и только об одном помышляют: о своем духовном и умственном развитии. Они поделались какими-то жертвами искупления, живут только для блага других; во мне видят свое спасение и просвещение, а я, что?.. Я сама та же... что и была. По крайней мере, в отношении их, право!.. Я готова отдать последнюю каплю крови за теософическое дело, но теософов — почти никого не люблю!.. Не могу я лично никого любить, — кроме вас, родных моих"... "Что я за слепое орудие в руках, — надо правду сказать, — того, кого я зову он *Master*?.. Не знаю! *Не знаю!* И *не знаю!*.. Для меня, как и для всех, феноменальное возникновение, по *моей* инициативе, нашего общества; его рост не по дням, а по часам; его несокрушимость ни под какими ударами врагов — неразгаданная загадка! Не знаю, какова тому логическая причина, но вижу, знаю, что ему, теософическому обществу, суждено иметь мировое значение. Оно станет мировым событием!.. В нем заключается нравственная и психическая сила, под давлением которой оно, как девятый вал, зальет, сметет и затопит с берегов всё то, что меньшие волны человеческого мышления выкинули на них чуждых осадков, обрывков систем и философий. Я — слепой его двигатель, но в нем — зрячая, великая сила!"

"Великая сила" эта вероятно поддержала и в сей раз, столько раз уже спасенное ею от окончательного крушения, тело, из которого сотворила себе орудие. В Бельгийском медицинском журнале появилась статья о редком, почти небывалом случае выздоровления Е.П. Блаватской. Передо мной статья д-ра медицины А. Китлей, подтверждающая то же. Он сам через месяц вернулся в Остенде, чтобы перевезти чрез Ламанш Елену Петровну на пароход и с парохода её, разумеется, перенесли на носилках, но в общем она довольно благополучно достигла Англии, где и прошли последние четыре года её кипучей, необыкновенной деятельности.

XVI

"Ну, вот я и в Альбионских туманах поселена!" — писала она мне на первых порах: "именно *поселена*, а не сама поселилась! Перетащили меня мои *адмираторы*, — чуть не на кровати, всё время везли и на руках переносили. Далась я им!.. Решили, что без меня и дороги в Царство Небесное не найдут: прислали депутацию с петицией в 72 имени теософов, твердо решившихся лишить бедное Остенде моего "облагораживающего" присутствия, и "благодетельных магнетических токов", — excusez du peu!.. Я ли на них не ворчу? Не гоню от себя, не запираюсь от этих *мистических вампиров*, высасывающих из меня все силы духовные, — нет! льнут, как мухи к мёду! "Восчувствовали мы, говорят, дух святости и духовного усовершенствования в вашей *атмосфере*. Вы одни можете просветить нас и оживить впадающее в спячку и бездействие лондонское общество!" Ну вот, я приехала и поддала жару, — пусть не пеняют... Я сижу у стола и пишу, а они все у меня ходенем ходят и под мои песенки пляшут. Вчера был митинг, сформировали новую ветвь теософического общества и, вообрази, назвали единодушно — Blavatsky Lodge of the T.S.!!..

Это уж прямо в глаз, а не в бровь, психическому обществу — знай наших!"... "Основываем свой журнал, "Lucifer". Ты не пугайся: это не *чёрт*, в которого

переврали католики это священное всему древнему миру название *звезды утренней* — "носителя света", по-латыни *Eosphoros*,* как часто называли римляне Божью Матерь и Христа. Да и сам Иисус в Откровении св. Иоанна разве не называет себя — я, Иисус, звезда утренняя" (XXII ст. 16)? Хоть бы этим вразумились!.. Быть может *до падения* мятежного ангела и звали Люцифером; но по его превращении его нельзя так называть"... "Дела у меня — страх!.. Из Парижа пишут: там тоже общество разделилось. Не хотят признавать ту ветвь, где президентом lady Caithness, герцогиня Помар; а требуют тоже моего представительства, как и здешние, ведь так же Синнета не захотели, а чтоб я была... Разорвись я для них! Изображай вездесущего *генерала Бута*, с его армией спасения!.. Благодарю покорно, и тоже новый журнал "Le Lotus" затевают и как я наотрез отказалась от редакторства, так посмотри на заглавие, — посылаю тебе проект — *Jours l'inspiration de M-me H.P. Blavatsky*. Как тебе нравится? Как это я буду их инспирировать?... Электрические токи буду посылать на Габорию, его издателя и сотрудников, что ли?... Твоя сестра в моду, очевидно, и в Европе входит: смотри посвящение книги Гартмана "моему *гению*".*** И как я всюду поспею? — журналы, уроки оккультизма, "Доктрина", которой еще и первая часть не готова, — сама не знаю!"

* Lucifer — это латинское название, а Eosphoros — греческое. — *Прим. ред. сайта.*

** Впоследствии, когда парижский журнал "Lotus" перешел под другую редакцию под заглавием "Le Lotus Bleu", его издатель таки вытребовал право поставить имя H.P. Blavatsky как Rédacteur en chef.

*** В сочинении д-ра Гартмана "Paracelsus" такое посвящение: "To the genius of Helena Petrovna Blavatsky the Martyr of a great cause, and defender of the rights of Humanity, the work is respectfully dedicated".

Позже, осенью 1887 года, когда "Lucifer" обратил внимание прессы, а контора в City и своя типография, Theosophical Publishing Co и еженедельные брошюры, под общим названием T.P.S. (Theosophical Published Siftings) были в полном ходу и шли уже толки о формировании особой *эзотерической* (отвлеченной или тайной) *секции*, собственно для мистических занятий, Елене Петровне, с некоторыми избранными (для изучения оккультизма), на Теософическое Общество снова было поднялись гонения, но они уж были бессильны.

Елена Петровна мне тогда писала:

"Здесь составилось целое общество католического духовенства и *High Church* фанатиков против твоей сестры. Было уж три митинга... В первом они доказывали, что я — ни много, ни мало, — сам чёрт в юбке; но мои теософы восстали и протестовали, попросив право голоса там же, на месте, и отлично доказали, что сами они иезуиты и нехристи, поклонники Баала и Маммоны. Во втором поднята была старая канитель: она де шпионка, агент русского правительства и опасна для британских интересов... Тут поднялись Lane Fox, Sinnett и Sir W. Groove и превосходно убедили публику, что боящиеся моего русофильства противники теософии — ближайшие родственники Валаамовой ослицы, но несколько тупей её, ибо та, по крайности, видала ангела и говорить умела, а они от ханжества всюду видят лишь чёртиков и вдобавок говорить не

умеют!.. На третьем митинге возбужден был вопрос: не антихрист ли я?.. Тогда молодой лорд Портманн встал и громко прочел им мой ответ, где я коротко и ясно поведала свету, что ежели $2 \times 2 = 4$, то они круглые невежды и клеветники!.. Эффект превысил даже мои ожидания, — как увидишь из отчетов, какой был энтузиазм моих друзей"... "Теперь еще громче заплачут: "Lucifer" убьет наших противников! Даже личные враги мои — все его хвалят... А всё-таки скучно и скучно!.. Эх, кабы увидеться нам"...

По поводу успехов её я упрекала сестру за вечную её хандру, постоянно высказывавшуюся в письмах, в её горячих призывах, "чего-нибудь *своего* кого-нибудь *русского*"; она всегда рада бывала истратить все свои личные деньги, все небольшие экономии, чтобы выписать меня и детей моих к себе, не имея возможности сама к нам приехать из-за дела и постоянных болезней. Привязанности к родным и к родине не могло в ней искоренить никакое отсутствие.

Зная её желание сношений с русскими людьми, я предложила ей написать в Лондон Е.К. Смирнову, нашему посольскому священнику, с которым сама была знакома прежде. На это она отвечала, что "рада бы была радешенька, да захочет ли он?.."

"Может быть и он меня за антихриста считает?.. А я совсем старая дура, непоследовательная: для меня между пасторами, патерами и нашим духовенством — бездна!.. Не странно ли, что я, язычница, ненавидящая протестантство и католичество, как только дело дойдет до православия, так душу и тянет к русской церкви?.. Ведь я — отщепенка! неверующая космополитка, все так думают и я сама. А за торжество православной России, нашей церкви и всего русского отдала бы кровь последнюю... Господи! Хоть бы перед смертью увидеть Россию торжествующею над врагами!.. Знаешь, я бросила даже читать про славянские дела, про несчастную Болгарию, которую теперь окатоличивают... Сердце кровью обливается за Русь родную! Дрались за Палестину; дрались за православие, а теперь... стыд и позор! Хорошо дядя* сделал, что умер. Каково бы ему было смотреть на такие дела..."

* Рост. Андр. Фадеев.

Весной следующего года в моей семье случилось великое горе. Когда всё было кончено, сестра, всё время относившаяся ко мне с горячим участием, начала неотступно призывать меня с старшей дочерью к себе, и когда я отвечала согласием, она радостно откликнулась:

"Ради Бога не передумай! Надежда на твой приезд оживила меня. Это первая радость; первый свет во тьме горя и страдания, моего *одиночного*, несказуемого за тебя страдания!.. Приезжай, родная..."

Мы с дочерью выехали в начале июля и пробыли в Лондоне всё лето. Здесь я застала Елену Петровну основательно устроившуюся в довольно большом доме Вест-Энда. С нею жили графиня Вахтмейстер, двое секретарей её; тогдашняя

соиздательница "Люсифера", мистрисс Кук, предпочитавшая называть себя девичьим своим именем Мэбл Коллинз, жила тут же, через сад. Толпы народа посещали этот центр теософического учения ежедневно. Ждали из Мадраса президента, а потому в Лондон уж начинали съезжаться отовсюду представители ветвей в разных странах. Заметно было, более чем когда-либо, в числе посетителей Лэнсдаун-Роуд множество людей, стоящих во главе западной науки, а сама Елена Петровна никогда не была так окружена всеобщим вниманием и уважением. Занята она была непрерывно, от раннего утра до поздней ночи разумеется, но казалась бодрее и здоровее, чем прежде.

Как было ей не заниматься по восемнадцати часов в сутки, когда кроме поглощающих работ над вторым томом "Secret Doctrine" она сама держала корректуры печатавшегося первого тома её и ежемесячно изготавляла для своего журнала по три, по четыре статьи за подписью, как передовые и беллетристические, так и без подписей, скрытые различными псевдонимами. Сотрудница её, М. Коллинс, была в то время больна при смерти и Блаватской приходилось работать за двоих. Она оставляла перо ранее по четвергам и по субботам, когда бывали её *"at home"*. За то единодушные отзывы одобрения о первой части "Доктрины" вознаграждали её труды.

Я помню еще некоторые из них. Профессор Эйтон, Оксфордского университета, например, утверждал, что "впервые разоблаченные миру в этой книге тайные учения из области космографии и философских систем древней Индии *должны свершить переворот в науке*"... Прочтя первые главы в корректурных листах, он писал ей: "Ваши откровения (revelations) поразительны неопровержимою ясностью и логикой, столько же как и неожиданною новизной теорий."

Профессор Крукс заявил, что это сочинение будет "смертью (le coup de grace) научного материализма"...

Доктор Бёк, профессор университета в Цинциннати, тоже по прочтении корректур еще неизданной книги, написал целую брошюру о них, которую и прислал Е.П. Блаватской. Говоря в ней об авторе её и первом сочинении её "Изиде", профессор Виск предрекает ей чрез них великую славу, которая осветит вечным светом "память их многострадального автора, когда он, оклеветанный и неоцененный современниками, сойдет с лица земли..." "Трудно представить, что вытерпела эта благородная женщина", говорит он, "преследуя свои высокие задачи. Она умеет знать, трудиться, твердо желать, молчать и прощать" как истинный посвященный... "Много бывает Иуд, предателей истины! — восклицает он в заключение, — ещё более последователей Фомы неверного... Мало только последователей Павла", этого посвященного в великие таинства просветителя, желавшего поделиться с человечеством светом истины, даже вопреки своей безопасности.

Мудрено было сказать большую похвалу в честь основательницы общества "Всемирного братства", цели и задач её научных трудов. Она была очень утешена такими отзывами, и все её любившие, в особенности убежденные теософы, радовались за неё и за общее дело.

Когда в августе приехал из Адьяра полковник Олькотт, начались деловые заседания, митинги, экстренные собрания, то в доме на Ленсдаун-Род, то в деловом Office, в конторе в Сити, то в наёмных залах, и дела прибавилось столько, что, несмотря на множество добровольных помощников, весь состав главных деятелей сбился с ног и переболел от утомления и беспокойств. Разумеется, прежде всего здоровье Елены Петровны расстроилось... Хорошо, что она могла себя избавлять от официального представительства.

Дело в том, что как в Америке, при начале основания теософического общества, она отказалась от всякого официального звания, кроме весьма неопределенного и скромного секретарства, так и в Лондоне, не желая обидеть своего друга Синнета, она отказалась от звания президента, которое он носил, ссылаясь на массу письменных занятий.

Тогда её личные приверженцы согласились между собой *неофициально* примкнуть к ней, с тем, чтоб учиться у неё и во всём ей содействовать, как главе теософического движения, "в присутствии которой ревностным членам общества смешно признавать чьи-либо другие авторитет и представительство..." Образовалась секция, которой члены, не отделяясь *de jure* от лондонской ветви, *de facto* устранились Синнета и образовали *ложу*, именно *Blavatsky Lodge*, к которой примыкали все теософисты, желавшие работать под её руководством собственно.

Вскоре прослышав об этой секции, к ней пожелали присоединиться многие теософические центры других стран, выражая желание, чтобы прямому авторитету президента подчинялась Индия, Австралия и к ним прилегающие страны, а чтоб Е.П. Блаватская приняла звание почетного президента европейских и американских теософов.

Америка-то первая и клич на то кликнула.

С величайшим трудом удалось основателям теософического общества, благодаря испытанной дружбе и уважению друг к другу, а равно и дипломатическим способностям полковника Олькотта мирно уладить возникший раскол. Блаватская не согласилась отделиться от общего, главного представительства полковника; но он, как президент, дал ей полномочие действовать во всём, что касалось бы европейских и американских ветвей общества, самостоятельно.

"Уж если вы, друзья мои, желаете непременно группироваться под моим знаменем исключительно, заявила Е. П. Блаватская на первом же собрании своей *Blavatsky Lodge*, то знайте, что я от членов своей ложи потребую более строгих, исключительных обязательств, которых не налагает обыкновенное членство."

Тотчас же были составлены правила и устав *эзотерической секции* теософического общества. Все обязательства, которые принимали на себя вступающие в него, были напечатаны, дабы каждый желающий вступить в этот отдел знал заранее требования и особые условия, которые он принимал на себя, и не вступал в него необдуманно.

Сказать по истине, нового в этих условиях было мало. Усилены лишь обеты преданности общему делу; обязательства духовной работы над собой, с целью совершенствования своего "Higher Self" *высшего духа* своего обязательства; сохранения втайне всех *знаков* или *паролей*, которые всем членам общества не передаются. Одно существенное обязательство было в этой эзотерической секции (ныне не существующей за смертью Е.П. Блаватской), это беспрекословное повиновение во всем её главе...

Но несмотря на это несколько рискованное условие, число членов новой секции возрастало до последнего часа Е.П. Блаватской так усиленно, что она начинала сильно смущаться этим ростом, боясь за свое время и силы. Теперь, когда не к кому им обращаться за устными немедленными разрешениями их недоумений и незнаний, недостаток научного авторитета составляет главнейшее затруднение ревностных деятелей теософического общества. Многие лондонские теософы начали усердно изучать санскритский язык; некоторые собираются в Индию, в надежде добраться до тех сокровенных от "*эзотерического*" (внешнего) мира источников, у которых черпала свои глубокие знания Елена Петровна. За смертью "единой посвященной на западе" прекратились "эзотерические" занятия в главной квартире и *occult chamber* (таинственная комната, освещенная куполом из голубого стекла, нарочно выстроенная с особыми приспособлениями для занятия оккультизмом) стоит без употребления...

Я не была в этом "приюте белой магии", как шутя называла эту чудодейственную комнатку в разговорах с глазу на глаз с сестрой; она терпеливо сносила мое скептическое отношение к её предназначению и не предлагала мне входить в неё; да она в мое последнее с нею свидание летом 1890 года еще не совсем была окончена в их новых, блестящих Head Quarters, на Avenue Road; в прежнем же, временном их помещении, на Lansdowne Road, такой таинственной комнаты и вовсе не было... Не было, но несмотря на отсутствие присяжного пункта для проявлений чудесных сил и оккультических дарований людей, свыше одаренных; несмотря даже на мой всегдашний, бесправный собственно говоря скептицизм к этим исключительным свойствам духа человеческого, даже в Елене Петровне, столько раз мне доказывавшей их существование, она в это предпоследнее мое посещение еще раз доказала мне на деле свое изумительное ясновидение. Ни в 1888 году, ни в 1890 я не видывала от неё более никаких феноменов, кроме этого последнего, которым она меня избавила от тяжких нравственных страданий.

Дело было такое. Я получила из России, из дому, известие, телеграмму, которой существенный смысл радикально был изменен ошибкой, перемещением телеграфистами одного слова... Эта ошибка возвещала мне еще одно несчастье — *смерть*, которой в сущности не было... Я в ту же минуту собралась уезжать. Но сестра, видя мое отчаяние, вскричала:

"— Да нет же! Нет!.. Не может быть этого!.. Бога ради, успокойся!.. Сейчас я объясню, я увижу... Я скажу тебе *верно*, в чем дело."

И тут же она опустилась на стул, закрыла руками лицо и так, в полном молчании, пробыла неподвижно минуты две-три... И встала с просиявшим лицом.

"— Вера! Это ошибка! Он совершенно здоров!.. Телеграмму переврали: дай мне её! Вот в чём дело."

И она переставила буквы, восстановила настоящий смысл известия и рассказала мне всё происшедшее накануне, за тысячи верст от нас в Москве, с такими подробностями, как будто сама там была.

Ответы на наши запросные телеграммы, домой и на московскую телеграфную станцию, а дней через пять и письма оттуда вполне подтвердили неожиданные происшествия, случившиеся в моей семье и *вполне верно* объясненные мне сестрой. Это *факт*, известный многим и который я сочла себя обязанною, в память сестры, заявить здесь.

Съезд представителей теософического движения из Америки и Европы еще был в полном разгаре, когда я в сентябре рассталась с сестрой.

XVII

В последние два года своей жизни Блаватская, кроме трех больших томов "Тайной Доктрины"* и множества статей в "Lucifer" и др. теософических журналах, издала еще две книги, весьма ценимые её последователями. Одна "Ключ к Теософии" объясняющая всю суть учения и многое, что не всем понятно в её сочинениях; потом "Глас Молчания" (*Voice of the Silence*, Extracts from the book of "Golden Percepts"), выдержки из древней книги *Золотых Правил*, мистического сочинения, никогда доныне не переведенного ни на какой язык, ибо гуру (учителя) различных философских систем держали её втайне. И наконец маленькая книга стансов, пословиц, стихотворений, тоже переведенных ею из разных восточных творений, под заглавием "Gems of the East" (Перлы Востока).

Во всех научных, капитальных трудах Е.П. Блаватской всего более поразительна масса ссылок. При выходе "Изиды" и "Секретной Доктрины" множество оппонентов её сейчас же обращали на них свое критическое внимание; но как ни разыскивали неточностей, должны были отступить...** Их безошибочность, при невозможности иметь под рукой и десятой доли источников, на которые они указывают, служит всегдашним поводом верующим в её доктрины указывать на их вдохновение свыше; для неверующих они всегда были и будут камнем преткновения и великою задачей для всех! Правду сказал мне архиепископ армян на Кавказе, преосвященный Айвазовский, прочтя первое сочинение Елены Петровны "Isis Unveiled" и вместе книгу Олькотта "People from the other World".

* III том оставлен ею в рукописях и ныне печатается.

** Недавно я слышала, будто такие неточности нашлись в её *русском* сочинении "Из пещер и дебрей Индостана". Это, вероятно, потому, что Елена Петровна более небрежно относилась к этому беллетристическому произведению, безо всякого серьезного значения, чем к своим научным трудам.

"— Зачем все эти бессмысленные, медиумические проявления?.. *Они ничто пред феноменом осмысленным и неопровержимым этих двух томов со всеми их ссылками!*.. В них заключается труд, который мог бы поглотить целую жизнь ученого; а их в *семь месяцев* написала женщина!"

Я часто впоследствии вспоминала это верное определение преосвященного архиепископа.

Вскоре по возвращении моем из Англии случилась страшная катастрофа 17 октября, крушение царского поезда. Она, как и всё касавшееся России, отразилась и в журналах Е.П. Блаватской и тем более в письмах её. Она радовалась вместе с нами такому действительно знаменательному чуду благоволения Божия к России и первую мысль её было, как она писала: "утереть нос западникам"... С этою целью она через О.А. Новикову отослала целиком мое письмо с описанием всего этого потрясающего события в "Pall Mall Gazette", где оно тотчас же было напечатано.

"Ты простишь меня, душа, за такое самовольное распоряжение твоим письмом?" — писала она, присылая мне вырезку из английской газеты. — "Но нам с моею приятельницей О.Е. так понравился твой рассказ, что мы не могли воздержаться от желания показать англичанам, какие письма частные люди пишут об этом из России. Ведь лондонские газеты пользуются официальными материалами, только разумеется и думают, *que tout y est forgé!*.. Так пусть же знают, как искренни и неподдельны чувства русских людей к Царю православному... — Да! Чудо спасло Царя. Видно, один Бог православных людей, — Русский Бог, такие чудеса и делает!.. Посади в тот поезд Викторию, либо Вильгельма, так их протестантское, "ограниченное" небесное правление и не оглянулось бы, раздавило бы сердечных, как мух, всюю семьей... А уж это именно молитвы миллионов ограждают нашего Царя магнетическою, непроницаемою стеной благоволения. Господи!.. Аж дрожь меня проняла!.. *Чтоб это было?!?* Слава Богу! Спасена еще раз Россия. Уж правда, такого Богом любимого Царя не найти другого..."

К этому времени принадлежит знакомство Е.П. Блаватской с некоторыми членами Общества Свободомыслителей (Freethinkers) и важное приобретение Теософическим Обществом нового энергического, преданного ему члена, несравненно более знающего, способного, влиятельного и полезного для дела, нежели большинство его членов, я говорю о мистрисс Анни Безант. Эта энергическая, умная, в высшей степени красноречивая женщина имеет огромную известность в Англии. Она стояла во главе социалистических движений в пользу рабочего люда, в особенности за право женщин-работниц против эксплуататоров-фабрикантов и заводчиков. Она была видным деятелем во всех благотворительных учреждениях, в народных школах, ассоциациях рабочих; известною лекторшей, кассиршей, учительницей; она всю жизнь свою отдала энергической деятельности на пользу беднейших классов лондонского населения и вообще чернорабочего люда, за которого ратовала печатно и устно, который признаёт её одною из своих преданнейших благодетельниц и боготворит её. В прошлом году умерший известный деятель в пользу демократии, атеист и вечный противник консерваторов и аристократии, Брэдлоу, в сущности добрейший человек, который всегда был готов последним поделиться с неимущими, был первейшим другом

миссис Безант. Пятнадцать лет они вместе работали для народа, вместе отстаивали права его в печати и на митингах; вместе читали лекции, пропагандируя *свободу совести*, то есть полное безверие и материализм, и вдруг, такой испытанный соучастник в пропаганде делает бедному главе британских социал-либералов *volte-face* и переходит в лагерь — чей же? Верх оскорбления и печали, — теософов! каких-то "полоумных мечтателей, упразднивших реальную жизнь со всеми её благами в пользу проблематического загробного существования; верующих в колдунов и феномены, последователей какой-то русской, обесславленной шарлатанки!" Пресса долго и громко кричала по этому поводу. Клерикалы торжествовали, сатирические журналы потешались, прежние единомышленники мистрисс Безант негодовали; Брэдлоу приходил в отчаяние, жестоко пораженный, но она с удивительным хладнокровием и мужеством выносила насмешки и упреки. Она прочла две-три лекции, где объяснила свою перемену не легкомыслием, не "изменой убеждениям всей жизни", как её ославляли её порицатели, а просто постепенным, логически развивавшимся убеждением, "нравственным ростом", превосходно сравнив человека с растением. — "Невозможно де обвинять корень в том, что он стремится из земли на свет, а стебель в том, что он развивается в листья и цвет, из которых пустоцветы опадают, а здоровый дает плод — единый желанный результат его существования?!."

Она написала потом объяснительную, превосходную по логике, силе и ясности изложения брошюру под заглавием "Why I became a Theosophist". Её лекции и последующие статьи дали много приверженцев Блаватской и её обществу; а её саму поставили, безо всяких с её стороны происков или желания, во главе движения. Если кто в состоянии поддерживать его в Европе после смерти Е.П. Блаватской, то это конечно одна Анни Безант, как и сама она была в том убеждена. Сколько раз сестра, с глазу на глаз со мной, выражала эту уверенность; восхваляя искренность, стойкость убеждений, ум и красноречие своей новой помощницы, она говорила: — "Нет! Эта женщина не изменит ни делу, ни даже мне!"

Елена Петровна оказалась в этих предвидениях вполне права: Анни Безант по времени недолго её знала, но едва ли не лучше всех её узнала и не больше всех близких ей её полюбила; делу же их она готова пожертвовать всею своею жизнью: она теперь всё оставила, ото всего и всех отказалась, чтобы быть совершенно свободною и посвятить все свои помыслы и всё время пропаганде теософии.

XVIII

Зима с 1889 на 1890 год в Англии была страшно холодная и снежная. Е.П. Блаватская болела постоянно и так ослабла, что врачи приказали её увезти раннею весною на море.

Она уехала в марте в Брайтон. Чистый морской воздух и животворная теплота Гольфштрема её оживили на время, так что хотя всем окружающим очевидны были великие усилия воли, которые она должна была употреблять, чтобы бороться с одолевшими её страданиями, тем не менее, они надеялись на лучшее.

Возвратившись в Лондон, она, как всегда, принялась за усиленные занятия; по вечерам по прежнему выходила в гостиную, где любила, чтоб её окружали жившие с ней вместе сотрудники; только они начали замечать, что она редко оживлялась по прежнему и, чего никогда не было, начала очень тяготиться посетителями и всё чаще не показывалась за общим столом.

Во время её отсутствия было приискано в другом конце города, в Avenue Road, в соседстве Риджентс Парка, большое помещение, три отдельные дома на две улицы, с садом посередине. К наибольшему из них еще сделали пристройки, большую залу для лекций, разукрашенную символическими рисунками по крыше-потолку, с огромным, во всю стену, зеркалом в глубине, где на возвышении поставили большое кресло Елене Петровне, а возле меньшее, для её главной помощницы, миссис Безант. С возвышения же все желающие должны держать слово на четверговых митингах. Это новое помещение, для состава главной квартиры Теософического Лондонского Общества несравненно больше и роскошней прежнего дома на Лэнсдоун Род, было взято на имя Блаватской. Она одна считалась по смерти полною хозяйкой этого сожителства главных деятелей Общества в Лондоне. Кроме постоянного штата Елены Петровны, в домах теософической коммуны постоянно жили (и живут) приезжие теософы из других стран, в особенности американские и адырские представители дела всегда имеют *ried à terre* в Лондоне в этих теософических главных квартирах, как гласит золотая надпись на главном портале.

Но у самой Е.П. Блаватской не лежало сердце к новому, роскошно приготовленному для неё помещению.

"— Нет на этом доме моей цифры (*семи*), говорила она. — Я в нем не наживу."

И справедливо было её предсказание! 3-го июля 1890 года было торжественное открытие этого теософического центра; собралось несколько сот человек гостей в "Lecture Hall ", делегаты говорили блестящие речи. А в начале мая следующего года главную хозяйку его отсюда вывезли на погребальном катафалке, как она и предвидела, не раз говоря окружавшим, что она отсюда не сама уедет, а увезут её...

Здесь я в последний раз видалась с ней. Я с дочерьми приехала столько же для неё, как и для свидания со старшею сестрой их, только что вернувшейся с мужем из Индии. Елена Петровна не позволила нам жить у них, а непременно потребовала, чтобы мы у неё поселились, хотя новый теософический дом еще далеко не был окончательно отделан: готовы были только собственные комнаты сестры внизу, гостиная и зала для лекций, где вместе была общая столовая. Все теософы строгие вегетарианцы, а Елене Петровне доктора приказывали есть мясную пищу, с тех пор, как она вернулась в Европу. Поэтому она обедала отдельно и редко бывала за общим столом. Мы, разумеется, бывали там еще реже, но зато она требовала, чтобы мы непременно все присутствовали на многочисленных их четверговых митингах, где постоянно читались лекции. От раннего утра до сумерек она по прежнему бывала занята, и в её комнату никто посторонний не имел права входа, кроме меня с дочерьми; но видя, как она завалена работой, к которой еще прибавились частные занятия с её *эзотеристами*, как она называла их, мы избегали входить к ней без зова, тем более, что видимо стесняли, как профаны,

непричастные их интересам, её секретарей или других приближенных *по теософии*, являвшихся, так сказать, по службе, за приказаниями или поучениями.

Зато вечером она уж ни за что не выпускала нас из кабинета или гостиной, куда всегда выходила, когда была здорова, отдохнуть за своими пасьянсами. Они ей не мешали слушать общую болтовню, вмешиваться в разговоры о пустяках, переходя от них к серьезным ответам на научные вопросы, обращавшиеся к ней часто и в эти два часа досуга, которые она позволяла себе ежедневно на сон грядущий.

Но теперь, кроме дней, назначенных для приема, она не бывала уж так окружена массами посторонних, как прежде: она тяготилась ими и всё чаще и чаще не принимала и сторонилась чужих. Любимейшим удовольствием её было в эти последние наши вечера слушать русские, простые песни... То и дело обращалась она то к одной, то к другой из дочерей моих с заискивающей просьбой в голосе:

"— Ну, попой что-нибудь, душа!.. Ну хоть "Ноченьку"!.. Или "Травушку"... Что-нибудь наше родное спойте..."

Последний вечер перед отъездом нашим до полуночи дочери мои, как умели, тешили ее; пели ей "Среди долины ровныя", и "Вниз по матушке по Волге", и русский гимн наш, и русские великопостные молитвы.

Она слушала с таким умилением, с такою радостью, будто знала, что больше русских песен не услышит.

Выдающеюся чертой моего последнего пребывания у сестры было открытие ими в Ист-Энде (беднейшем крае Лондона, где нищета и разврат конкурируют в гибели людей, в особенности женщин) приюта на *триста* работниц, девушек и молодых бессемейных женщин, служащих на фабриках и заводах. Здесь эти несчастные, за самую ничтожную плату, а иные и даром, имеют возможность найти не только чистый, теплый кров, но и здоровую пищу и даже ночлег, кровать с чистою постелью и комод со стулом и столом, отделенными друг от друга ширмой. Сестре хотелось, чтоб я поехала с ней на открытие этого благотворительного учреждения, первого в Англии *клуба* рабочих женщин, свободного от всякой сектантской подкладки. Пока мы с ней ехали из северо-западной, аристократической стороны Лондона, на его восточные, нищенские окраины, Елена Петровна рассказала мне, что первоначальным капиталом, на который приобретен этот дом, были 1000 фунтов стерлингов, пожертвованные Обществу, правильное, просто отданные одним богатым теософом в её распоряжение с тем, чтоб она ими распорядилась как знает. Она, посоветовавшись с миссис Безант, решила озаглавить прочное основание в Лондоне Теософического Общества такую помощью несчастным отверженным Ист-Энда.

Это гуманное дело маленькой группы малоизвестных теософистов очень понравилось лондонцам. В следующее воскресенье в иллюстрированном "Pall Mall Budget" появилась даже картинка, вид нового Теософического Клуба в вечер открытия.*

* *Клуб* этот процветает. Члены Теософического Общества имеют в виду его еще расширить.

XIX

В течение этого пребывания моего в теософическом сожительстве много было обстоятельств, которые меня беспокоили за сестру, вследствие того, что хотя все окружавшие её очевидно её уважали и любили, и ценили, насколько дано им было на то способностей, но всё это были люди *новые*, страшно занятые и к тому же привычные к спартанскому образу жизни, не умевшие заботиться о материальных удобствах ни своих, ни чужих. Каждый из них, может быть, готов был отдать за нее свою жизнь; но ни один не умел избавить её от дразг и неудобств житейских и доставить ей тот правильный, ежедневный уход и внимание, в котором она очень нуждалась...

Если бы возле неё был кто-нибудь, чьею задачей был бы присмотр за ней, забота о ней, именно о ней, которая никогда не хотела и не могла, просто не успевала о себе сама позаботиться, очень вероятно, что она еще бы жила. Единственная графиня Вахтмейстер, так хорошо её покоившая в Вюрцбурге и выходившая ее в Остенде, по-моему, могла бы её уберечь... Я много раз это ей говорила. Но графиня от раннего утра до вечера находилась за несколько верст от неё в Сити, в их конторе, и Елена Петровна горячо протестовала против моих указаний, уверяя, что она *нужна для дела* и не может его оставить. Эгоизмом она не отличалась...

Так она тем же летом услала от себя в Индию Бертрама Китлей, человека преданного ей, как родной матери и более. Она уверяла, что он *там* нужен; а главное, что удаление из Лондона *для него самого* необходимо и послужит ему ко благу... Я, разумеется, не расспрашивала о причинах; но мне было очень грустно, что он должен был уехать от неё.

Теперь я понимаю, что она, вероятно, была права, прочтя в числе сотни статей в её память, признания этого самого Бертрама Китлей, озаглавленные так: "Что она сделала для меня".*

* "Люсифер" за август, 452.

Рассказывая факт за фактом в доказательство заслуг Е.П. Блаватской вообще и своих обязательств ей в частности, Б. Китлей отказывается, в конце статьи, говорить о своих заключениях о той, которую признает своею благодетельницей, на том основании, что о ней может дать понятие *верное* лишь *равный* ей...

"Любящий друг, мудрый наставник *более чем мать* многим из нас; мужественная и при нужде, неумолимая, она никогда не колебалась боязнью причинить временную боль и бесстрашно вонзала нож, если могла этим оказать пользу. Прозорливая, она безошибочно открывала наши сокровенные слабости и обнажала их пред теми из нас, кто желал за ней следовать... Она была слугой человечества и никто, прибегавший к ней честно за помощью, не уходил без неё. Никакой враг,

никто даже жесточайшим образом оскорбивший её, не был отвергнут ею, если прибегал к ней в нужде. Она охотно сымала одежду с плеч своих и отымала хлеб ото рта, чтобы накормить и помочь худшему врагу своему в его нужде и печали... Она завещала нам, братья, помогать другим столь же щедро, как сама она нам помогала... Будем работать дружно! Задача наша велика, но ведь лучший мавзолей, который можем мы воздвигнуть в память нашего учителя, — рост и распространение света, который она внесла в мир."

Так восторженно заканчивает В. Keightley свое посмертное славословие Е.П. Блаватской. Именно *славословие* — быть может, слишком восторженное, слишком преувеличенное, но искреннее. Впрочем, десятки надгробных воспоминаний о ней, которыми переполнены все теософические журналы, ни мало не уступают в восторженных восхвалениях отзыву её бывшего частного секретаря. Я указала на него потому, что, хорошо зная автора, не сомневаюсь в его искренности; а при желании лишь доказать высокое мнение многих о сестре моей, я могла бы привести несравненно более громкословные панегирики, — а не выпускать *самые громкие фразы*, как я то сделала, даже из приведенного отрывка.

Справедливо сказал о ней Стэд, издатель журнала "Review of Reviews", в своей длинной статье, сопровождаемой тремя её портретами.* Говоря о загадочности этой *удивительной личности*, которую он называет Сивиллой нашего времени, он пренебрежительно относится к чудодейственной стороне её деятельности и провозглашая уверенно:

"— M-me Blavatsky была великою женщиной!" — так продолжает излагать свое мнение:

"То, что она сотворила, несравненно величественнее приписываемых ей чудес: она дала возможность некоторым, самым образованным мужчинам и женщинам нашего поколения поверить — и верить пламенно, до такой степени, что они стали недоступны насмешкам и презирают гонения, — что не только невидимый мир, нас окружающий, достоверно содержит сознательных созданий, несравненно превышающих нас (людей) в познании истины; но что людям возможно войти в сношения с этими таинственными и молчаливыми существами и от них поучаться божественной премудрости времен и вечности... Она свершила это великое чудо... Она дала своей древне-новой религии таких поборников, как Анни Безант, годами ратовавшую в передовых отрядах воинствующего атеизма... Как Mr Sinnett (и множество других несравненно более ученых, чем Синнет, людей, позволю я себе прибавить к показаниям м-ра Стэда!), для которого её удивительное учение о "братстве махатм", великих мудрецов *вице-правителей* величайшего бесконечного *вновь населило безотрадную пустоту*, произведенную современным скептицизмом..."

* "Review of Reviews", June 1891.

Вот именно — из одной крайности в другую! Только на Западе, искалеченном иезуитами и обобранном протестантством, и возможно было привить верования

мечтательного Востока, для нас, православных людей, упраздненные стойким христианством.

Утешительно было бы, если бы та же "древняя мудрость" — теософия, познание божества, — более тяготела к христианству, с которым она вполне совместима, чем к буддизму. Но при настоящих тенденциях её приверженцев, в особенности некоторых между ними — узких фанатиков, когда главным руководителем движения остался один Олькотт, самый ярый буддист, — её прямое место в Индии. Туда не переставали призывать обратно и Блаватскую. В то самое время как она умирала в Лондоне, в "Indian Mirror" появилась статья, провозглашавшая её в сотый раз благодетельницей индусов, а её *монументальные сочинения* достойными преклонения всей Индии...

"Она и в Европе работает для нас! восклицает индийская газета: она еще недавно прислала к нам еще одного англичанина, м-ра Бертрама Китлей, трудиться столь же самоотверженно, как сама она и полковник Олкотт трудятся на преуспевание Индии и её древних верований. Но дайте нам обратно саму Н.Р. Blavatsky!.. Она там необходима, чтобы поучать и руководить бедных заблуждающихся индусов своими несравненными знаниями в религии их по истолкованию её древними риши. Самые глубоко учёные бенаресские пандиты и те признали её права на такие знания... Мудрость Е.П. Блаватской вывела бы нас из многих затруднений."

Поздно спохватились!

XX

Вечером, 26 апреля (н. ст., ровно за двенадцать дней до кончины Е.П. Блаватской), был третий митинг и в заключение его постановлено послать Е.П. Блаватской еще одну благодарственную и сочувственную телеграмму.

Вести об этих заседаниях и решениях в Америке, общий прием её посланных в крае и успех конвенции вообще были последними радостями в жизни Елены Петровны. Она уж с 21 апреля была совершенно больна инфлуэнцей, — этим убийственным для пожилых людей новым бичом человечества, который с нею одновременно свалил почти всё общежитие теософов в Лондоне; но молодые люди поправились и выздоровели, а у неё, в начале мая, сделался рецидив. Она простудила грудь и горло в вечных сквозняках английских домов, от которых к несчастью не были изъяты и её комнаты. К инфлуэнце прибавился бронхит, и 8 мая, по нашему 26 апреля, в третьем часу пополудни её не стало.

Замечателен факт, что все предыдущие недуги были гораздо сильнее, и всем, не исключая докторов, казались несравненно опаснее и серьезнее. В эту же последнюю болезнь никто не тревожился; доктор её мистер Меннель, в продолжении четырех лет поддерживавший жизнь её, был убежден, что она выздоровеет, что болезнь повернула к лучшему и опасности более нет. Он так и сказал после консилиума за несколько дней и повторил то же в то самое утро,

навестив её в 11 часов. Он был как громом поражен, когда приехал в три часа и ему сказали, что всё кончено.

Е.П. Блаватская скончалась не в кровати, а в своем большом кресле, у письменного стола, в котором столько работала на пользу науки и на преуспевание дела, в которое положила всю жизнь свою и душу.

Все её последователи выражают уверенность, что *ей позволено было избавиться* от физических страданий лишь вследствие того, что она "успела свершить свои главные задачи": она дала нравственный толчок миру и передала ему всю суть сокровенных учений теософии в трех фундаментальных книгах "Тайной Доктрины".*

* Том III, последний, еще не вышел из печати.

XXI

В прекрасное весеннее утро 11 мая собралось множество лиц, желавших проститься с тою, которую многие последователи её считали избранною посланницей "великих душ", махатм, но которая в сущности была многосторонне-одаренная, быть может, даже гениальная женщина; если и не с неуклонно-беспорочным *львиным* сердцем, как её прославляют те же поклонники её, то несомненно с сердцем добрым и великодушным. Проникнувшись нравственными красотами первобытных верований Востока, она искренне верила благим влияниям их и на изверившихся европейцев, и, делаясь своими знаниями с миром, стремилась к пользе, ко благу его, — *искала истины*, как справедливо сказал о ней глубоко верующий, православный человек. В десять часов утра тело её (согласно неперемому её желанию, чтобы было оно сожжено и чтобы не сопровождалась церемония эта никаким траурным торжеством) вынесли в скромном гробе, закрытом сплошь цветами, и повезли его на железнодорожную станцию Ватерло, а оттуда за город в Уокинг, где находится крематориум. Все желавшие присутствовать при сожжении направились туда различными путями.

В журнале "Agnostic Journal" от 12 мая есть статья об этом обряде одного индуса (за подписью Саладин), из которой я возьму несколько выдержек, хорошо рисующих картину. Пишущий очевидно благоговел пред Еленой Петровной, но не был вполне теософом, так как открыто называет себя агностиком, и свою статью в память её озаглавил: "How an agnostic saw her". Его рассказ рисует личные взгляды его на Блаватскую и её учение; я передам лишь те отрывки, которые собственно относятся к ней и к церемонии сожжения её тела.

"Мы неслись по цветистым лугам, мимо расцветающих белым и розовым цветом садов, под ясным майским небом, к пламенному костру, ожидавшему смертные останки друга и матери многих из нас. Один из многих, тяжело сраженных печалью, наполнявших вагон, я вышел, достигнув крематориума. Это здание из красного кирпича, нечто среднее по виду между капеллой и черепичным заводом с

фабричную трубой. Вы входите в часовню, а оттуда, чрез тяжелые дубовые двери, в небольшую комнату, среди которой возвышался железный огромный предмет, нечто вроде котла паровоза, на каменном фундаменте. Жутко было смотреть на этот мрачный очаг смерти! Все мы с невольным сжатием сердца столпились вокруг... Понимая наше желание, один из прислужников открыл небольшой клапан... Каждый из нас проходя бросал туда взгляд и каждый отходил с содроганием. Если б Virgilий, или Мильтон, или Дант когда-либо взглянули на адский огонь крематориума, — вряд ли бы стали они писать об адском пламени в своих поэмах: вихри, крутившиеся и шипевшие внутри этого чудовища, к поэзии не располагали...

Внесли в часовню гроб, густо покрытый цветами, поставили на возвышение, и все мы, обнажив головы, окружили его...

Едва замолкла проникнутая чувством речь м-ра Мида, — рассказывает далее "Саладин", — тяжелая дверь из капеллы в крематориум раздвинулась и четверо служителей взялись за носилки и подняли гроб. Четверо теософистов из самых ближайших друзей г-жи Блаватской последовали за гробом этой величайшей женщины нашего века, за порог дверей, к её раскаленной гробнице. Массы белых роз и лилий покачнулись, обдав нас в последний раз своим тяжелым ароматом и скрылись... И затворились за ними тяжелыми, железными болтами двери, поглотив всё: цветы и гроб и смертные останки самой смелой, благородной, мужественной женщины, когда-либо пожимавшей мою слабую руку, бессильную в воздаянии ей должного!

Я вспомнил стих, ею самой так верно переданный:

"Отдай свою жизнь, если желаешь *жить*... Когда пожертвуешь ты смертным вечному, — награда в твоих руках: луч возвращается туда, отколышел!.. Открытый путь ведет к превращению неизменному — к нирване! К чудесному *всему* — во славе и счастье непостижимым смертному".*

Она от нас ушла!.. Вчера в мире была одна Е.П. Блаватская — ныне нет ни одной!.. Вернется ли она когда-нибудь?"

* "Глас Молчания". Книга золотых правил.

Такой вопрос в среде последователей Е.П. Блаватской мог только задать сам себе *агностик*, не верующий в индивидуальное бессмертие; а все теософы, признающие реинкарнацию, убеждены, что дух её оставил "расшатанный, пришедший в негодность земной аппарат", как они говорят, — только затем, чтобы вселиться в тело более здоровое и сильное и в нем продолжать свою "всемирную" работу. Есть между ними даже такие, которые надеются еще в настоящей своей жизни *признать её* в новом её воплощении... Она де была такой высокий адепт, что весьма вероятно высшие принципы её бытия стоят выше автоматических, общих законов природы: быть может она именно потому так неожиданно скончалась *чтобы сразу ожить в более здоровом организме*... Реинкарнацией такого избранника медлить нельзя, ради продолжения

работы его на пользу человечества?.. Г-н Синнет очень убежденно излагает свои теории в таком смысле, что дух Е.П. Блаватской, в данную ми12:16
21.06.2015нуту, мог быть переселен даже не в новорожденного, а прямо в здоровое тело отрока или юноши и в таком случае ни минуты не терять своего сознания и памяти.

Всем — она понятно не откроется, во избежание излишнего соблазна, — но некоторые *избранные* (он сам, вероятно, первый?) каждый миг могут надеяться её вновь обрести!..

По нашему разумению, это бредни "ума зашедшего за разум". Мне, по крайней мере, сдается, что м-р Синнет, не совсем верно описав некоторые обстоятельства жизни Е.П. Блаватской и после смерти её взвел на нее неподобающую фантазию собственного воображения... Но есть такие чудаки, которые ему верят и разделяют надежду его.

Тем хуже для них, потому что при таком убеждении очень легко стать жертвой мистификации какого-нибудь способного и честлюбивого члена теософического общества...

XXII

Передав по возможности всё, чтоо́ в отзывах хорошо знавших Е.П. Блаватскую людей я нашла более интересного и способного придать многосторонний колорит её биографии, я вижу, что у меня осталась масса не затронутых материалов. Быть может, я буду иметь случай когда-либо воспользоваться и ими. Здесь я только еще желала бы помянуть о некоторых странных явлениях по смерти её и о решениях, принятых в память основательницы Теософического Общества членами его распорядительных комитетов в Англии, Индии и Америке.

Несколько более или менее близких Е.П. Блаватской особ имели предупреждение об её кончине. Вот что мне пишет одна из них:

"Мне было предупреждение, но я сначала не поняла его. Она давно уж прислала мне из Индии перстень с круглым агатом, а посередине веточка; я уж лет двенадцать ношу его. Агат такой всегда был чистый, светлый, прозрачный, как стекло. С месяц тому назад я вдруг заметила, что он сделался черный, как уголь, так что и веточки совсем не видно. Я не понимала, что это значит? Не может же камень вдруг почернеть. Я его и мыла, и терла, и скребла, — ничего не помогает! Так и остался. Я только после первого известия о болезни её догадалась, что — вот причина... А теперь он начинает как будто светлеть"... "Когда я получила письмо графини Вахтмейстер о болезни её, — а её уж не было тогда, — за день до окончательного известия о кончине, — я читала его, а К* говорит: "я уверена, что она поправится!" Вдруг в стол в углу, под образом, такой стук, что мы бросились смотреть, что обрушилось? Ничего!.. Всё на месте, ничего не упало"... Там же, в том же доме, несколько раз среди глубокой ночи, а раз днем (в то же время, во время болезни и смерти Елены Петровны) — вдруг начинал играть не заведенный,

запертый и никем не трогаемый орган, стоящий возле большого портрета её; или раздавались беспричинные стук и звон.

В журнале "Gaulois" (да кажется и в "Figaro") было рассказано, что до получения известия о смерти Е.П. Блаватской её видели герцогиня де-Помар и M-me Adam. Вот как описывает это сама M-me de Pomar, в своем журнале "L'Aurore":

"Как справедливо слово: "среди жизни — мы находимся в смерти!" Эти слова пришли на память нам, когда нас как громом поразила весть о смерти г-жи Блаватской, этой женщины, репутация которой всемирна, которою столько же восхищались, как и клеветали на неё и её преследовали, которую лично мы любили и уважали глубоко. Она многие годы болела, мы знали это; но знали также, что среди тяжких страданий она продолжает свои великие занятия и так привыкли к её неустанным трудам, что жили в надежде на неопределенное продолжение их и жизни её.

Велико было наше изумление, когда, раз вечером (8 мая), находясь случайно с двумя друзьями в оратории, посвященной исключительно общению с нашим *Руководителем Круга Звезды Небесной* (Guide du Cercle de l'Etoile Céleste, — вероятно, невидимое лицо дух, подобный известным *controles* медиумических сеансов),* мы неожиданно получили духовное извещение от m-me Blavatsky, заявлявшей нам, что она перешла в другую сферу. Это известие на другой день было подтверждено газетами.

* Lady Caithness, герцогиня де-Помар, более убежденная спиритуалистка, даже вернее *спиритка*, нежели теософистка.

Поводом столь быстрому появлению её нам было желание её воспрепятствовать кремации её тела, которую она сама завещала...

Приводим собственные её выражения: "её *ego* не совсем еще успело отделиться от материи, она поняла ошибку, в которую впала"... Она выражала нам великое отвращение к этой процедуре (сожжению), боялась её и сказала нам, что она может повести к потере её индивидуальности.

Следуя её желанию, мы тотчас написали об этом Теософическому Обществу в Лондон, но к несчастью, к великому нашему горю, мы узнали потом, что церемония кремации всё-таки совершилась 11 мая.

После того мы снова были ею посещены: но то, что сообщила она в этот вторичный приход, носит характер частного сообщения и слишком печально, чтобы найти место на этих страницах. Всё, что мы считаем себя вправе сказать, это, что она отреклась совершенно от нескольких учений, часто упоминаемых теософами, учений, которые относятся к духовным феноменам. Я не могла воздержаться от замечания, что её самые пылкие последователи не захотят обратить внимания на послание её, так как они обязаны считать все явления такого рода за проявления *фантомов*, недостойных веры; относиться к таким феноменам иначе значило бы отвергнуть одно из самых точных её указаний и передать

оружие спиритуалистам. Она была очень поражена этим замечанием и утверждала с силой (*avec véhémence*) *что она совсем не привидение*, но сама она, её собственное я истинное и настоящее. Признаки сожаления её по поводу её "*великой ошибки*", как ныне она её называет, ошибки, в которую она была увлечена, были слишком очевидны, чтобы возможно было усомниться в том, что мы действительно сообщаемся с духом нашего друга..."*

* "L'Aurore". Organe du Christianisme ésotérique. Revue Mensuelle, sous la direction de Lady Caithness, Duchesse de Pomar. Mai 1891. Paris.

Так рассказывает герцогиня де-Помар. Не верить ей мы не имеем никакого права, но должны заметить, что такая посмертная непоследовательность Е.П. Блаватской, по меньшей мере, непонятна! Не потому, чтоб она в жизни не могла ошибаться, а потому что зная, как прямые её последователи и распорядители по завещанию смотрят на "заблуждения" (по *их* убеждениям) председательницы ветви Теософического Общества в Париже, она должна была понимать, что не через её предстательство остановить ей завещанную кремацию своего тела; а тем более не чрез её возвешение восстановить истину, исправив заблуждения своих учений...

Чтобы разуверить теософов в непогрешимости своих убеждений, Елене Петровне следовало бы явиться г-же Безант, ей все поверили бы! А чтобы не могли предать её тела сожжению, ей достаточно было бы, заявить свое нежелание кровной родственнице — дочери моей, В.В. Джонстон. К ней являлась лондонская полиция за позволением её, как к единственной особе, связанной с умершею семейными узами: без согласия родных к кремации не имеют права приступить. Конечно, дочь моя, зная неперемненное желание своей тетки, не имела причины противиться. В виду нецелесообразного явления этого, теософы в Лондоне, да и везде, положительно отказываются верить ему. Они вполне убеждены, что герцогиня сделалась жертвой мистификации *шел* (shells) — элементариев, пожелавших таким обманом ободрить её спиритские убеждения.

XXIII

Ни одно сколько-нибудь значительное место в Индии и в Америке, и почти все государства Европы, где отозвалось учение Е.П. Блаватской, не обошлось без торжественных собраний в память её и без более или менее красноречивых свидетельств сочувствия и скорби. Всюду идут подписки, собираются фонды на стипендии для женских училищ её имени, на школы и теософические издания и библиотеки в память той, "которая всё, что имела и самую жизнь свою отдала великому своему делу", говорят и пишут её последователи.

Очень трогательно решение всей теософической общины не касаться вещей и собственной комнаты Елены Петровны. Их решено оставить в том же виде, в каком они были при ней, навсегда. Комната её не будет обитаема: в ней лишь изредка будут собираться члены распорядительного комитета её собственной эзотерической секции, для особо важных совещаний. Мебель и вещи останутся на

прежних местах,* с добавлением к ним стеклянного шкафа, где будут храниться "as in a shrine", объяснила мне мистрисс Безант, вещи, которые были на ней в болезни и смерти. Там же будет стоять урна с частью её праха. Таких погребальных урн три: одна отвезена *"в колыбель теософии"* — в Нью-Йорк, другая — *"на алтарь её"* в Адьяр; третья осталась *"на могиле"* её основательницы.

* Кроме множества семейных портретов, которыми она всегда была окружена. Я взяла их с согласия теософистов как предметы *без неё* чуждые месту и делу.

Точно так же неприкосновенно остается и её место в Lecture Hall, в зале митингов. Единственный раз, что я была там после смерти сестры, на митинге 21 (9) мая, где в память её было сказано много сердечных слов, полных благодарности и чувства, мне и грустно и отраднo было видеть, каким светлым ореолом любви и глубокого уважения эти люди окружают всё, что напоминает им её. Большое кресло её так же стоит на возвышении, но никто его не касается: оно закрыто индийскою шалью, на него наброшенную ради неприкосновенности места "той, которую никто заменить не может", а за ним возвышается на мольберте её большой портрет. Он так хорош, так сходен, взгляд её больших, на выкате, голубых глаз так схвачен, что казалось будто по-прежнему она смотрит на собрание, слушает речи со своею добродушно-ироническою улыбкой и вот-вот раздастся её голос... Но нет. Не раздаваться ему более! Раздавалось лишь имя её в гимнах хвалений, воспеваемых ей её последователями. Эти хвалы, хотя и воздававшие ей порой великую честь, но нашему часто преувеличенную до оскорбления чувства меры, с христианской точки мышления, всё же не удовлетворяли моих чувств и желаний... Жутко было вспомнить, что нет у неё даже могилы, где бы любящим её кровным можно было о ней помолиться и помянуть её имя в православной, заупокойной молитве...

Очень вероятно, что я неправа, что тела умерших и разумней, и гигиеничней сжигать; помолиться о них тоже безразлично, где именно, — всё это так! А всё же мне было очень тяжело в этой чуждой всем понятиям моим среде!.. Еще гораздо тяжелей, чем бывало при ней, и дорого бы я дала, чтобы вместо всех этих прославлений её "посланницей махатм и диян-чоханов — святых буддизма", православные люди здесь, на месте смерти её, пожелали бы ей вечную память и "со святыми" мирного упокоения.

"Русское обозрение", ноябрь—декабрь 1891.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

